

БЕЗОПАСНЫЙ УРОВЕНЬ

КОНСТАНТИН ЗУБОВ

Константин Зубов

Безопасный уровень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69748231

Аннотация

Три мира, три защищающих от радиации купола. Двести лет после войны, почти уничтожившей человечество. Время одного из миров заканчивается.

Некоторые готовятся покинуть дома, чтобы начать всё заново в другой реальности. Другие – ждут Армагеддон с нетерпением. Сергей предпочитает безопасный уровень, ему почти не угрожают маньяки, церберы и оборотни. Тогда почему вокруг стрельба и взрывы? Кто управляет шоу и как устроен мир на самом деле? Сергею предстоит измениться, чтобы найти ответы...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	35
Глава 3	56
Глава 4	71
Глава 5	86
Глава 6	100
Глава 7	116
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Константин Зубов

Безопасный уровень

Пролог

Когда свет фар разорвал внутреннее пространство склада, я нажал на тормоз и, не дожидаясь остановки, выпрыгнул из машины. Едва успел сгруппироваться и коснуться земли, как услышал сзади грохот: джип, наконец, догнал и протаранил Форд.

Прыгун из меня оказался хреновый, кровь широкой струей текла из рассеченного лба, заливая глаза и капая с подбородка. Левая рука висела плетью, а правую ногу в колене словно проткнули раскаленным штырем, я практически волок ее, пытаясь скрыться в глубине помещения. Пистолет улетел куда-то во тьму.

Шаг, подтянуть ногу... Сзади хлопает дверь... Быстрее! Еще шаг, подтянуть ногу... На землю ложатся длинные тени преследователей... БЫСТРЕЕ! Еще! Не забываем подтянуть ногу... Они все ближе... Еще. Чёрт!.. Я падаю и перекатываюсь на спину. Странно. А умирать почти не страшно. Я очень устал и просто хочу избавиться от боли, которая, пульсируя, разрастается ото лба к затылку. Рядом брошенный и давно забытый мешок с цементом. Подползаю, кладу на него

голову – удобно.

В свете фар в клубах оседающей пыли приближаются два силуэта.

Вот и все, а ведь еще несколько дней назад я жил совсем другой жизнью...

Глава 1

Над окраиной Нижнего города показался вертолет. Лишь красные габаритные огни не позволяли черному силуэту слиться с вечерним небом. Звуки выстрелов едва доносились до нас.

Я сильнее прижал к себе супругу и посмотрел на браслет: до выполнения плана оставалось пять минут. Пришло время рекламировать утепленный плед.

– Какой чудесный вечер, – прошептала Ира. Ее голова коснулась моего плеча.

– Да, хоть и холодновато.

Как там выглядит внезапное озарение? Глаза пошире, брови повыше, поехали.

– Кстати! Я тут видел по второму, оказывается, все наемники используют одеяло фирмы «Семен и Ко». Говорят, завернувшись в него, даже зимой можно спать на голой земле.

– Правда? – Ира всегда хорошо играла удивление, но сейчас превзошла себя. Она немного отстранилась, а ее глаза светились неподдельным интересом. – Вот бы нам такой! Но он, наверное, стоит кучу баллов?

– Вовсе нет! – воскликнул я. – Это разработка для гражданских, просто она оказалась такой удачной, что теперь ее используют все.

– Тогда возьмем обязательно! Этой зимой обещали холо-

да.

Вертолет загорелся и спикировал вниз. Интересно, это постановочное падение или его реально сбили?

Очертания домов проступили в яркой вспышке, и донесся отдаленный звук взрыва. Похоже, сбили. Не каждый наемник, даже с хорошей подготовкой, успел бы спастись.

Мимо, жужжа электродвигателем, проехала машина. Фары осветили забор, и его зубчатая тень разрезала лужайку. А я, словно загипнотизированный, смотрел, как освещенный догорающими остатками вертолета столб густого черного дыма, клубясь, поднимается в небо.

Порыв ветра сорвал с полуголых веток несколько сухих листков и заставил меня поежиться. Может, и стоит выкупить утепленный плед, когда срок ознакомительного пользования закончится.

Осталось меньше минуты: пора сворачиваться.

– Как все-таки хорошо жить в частном секторе, вдали от опасности, – я рукой обвел наши скромные владения: лужайку с потемневшей травой, деревья и три небольшие теплицы.

– А ты закрыл калитку, милый?

– Ты что, забыла? В прошлом месяце я установил замки от «Надежного дома» – они закрываются сами.

– Ой, совсем вылетело из головы, – Ира засмеялась и поцеловала меня. – Пойдем в дом?

Время вечернего промо вышло.

– Конечно.

Я сделал шаг к входной двери, но краем глаза успел заметить огненный след метеорита, летящего вниз почти вертикально. Похоже, он упадет неподалеку от вертолета. Кто-то из того района сегодня заработает кучу баллов. Если выживет.

Закрытая дверь отделила нас от городской суеты, а дом окутал теплом. Запах запекающейся в духовке свинины и картошки заставил заурчать живот. Ира разделась и пошла на кухню, а я задержался у зеркала, пытаясь разглядеть через рубашку, есть ли хоть какие-то результаты от двухнедельных занятий спортом.

– Пора за стол, – слова Иры сопровождал стук тарелок и звон бокалов.

Никогда не отличал на вкус мясо «Любимова» от «Свиногова» и отдавал первому предпочтение только из-за цены. Но такое же не скажешь на камеру?

Так, поправить одежду, сделать счастливое лицо. Готово! Глубокий вдох. Пора.

– О, любимое от Любимова!

Ира как раз доставала жаркое из духовки и улыбнулась, а Софья схватила недоеденный бутерброд и выскочила из-за стола. Злой взгляд и быстрый топот каблучков по лестнице не оставлял сомнений: она с нами ужинать не будет. Хлопок двери это подтвердил.

– Приветствуем всех тех, кто выбрал наш канал для ве-

черного просмотра, – вещал жизнерадостный ведущий в черном костюме. – У вас осталось две минуты, чтобы сделать ставки! Сумеет ли юная Алина выбраться из запертого подвала? Выйдут ли ее родители из смертоносного лабиринта? Или легендарный Хеллоуинский маньяк снова получит свое и уйдет от полиции?

– Что тебя опять на ужасы потянуло? – спросил я, раздумывая, стоит ли задержаться или сразу пойти спать. Ира, теперь одетая лишь в бордовый пеньюар с кружевными оборками, подогнула ноги и освободила место на диване. – Классно выглядишь, кстати. Новое белье?

– Да какое новое, милый, – она откинула черные волосы за спину, – рылась в старых вещах и нашла.

В свои тридцать два она действительно классно выглядела, а сейчас соблазнительная поза и полумрак комнаты превращал ее в ту юную девушку, с которой я познакомился шестнадцать лет назад.

Экран мерцал, отбрасывая блики и подчеркивая изящный профиль Иры, ее тонкие губы, чуть раскосые глаза и красивую шею. Она приподнялась с дивана и взяла бокал. На треть опустошенная бутылка вина стояла на столике. Ничего себе! Это же «Экспортное» из Синего мира. Я забыл какую-то праздничную дату? Супруга перехватила мой взгляд и улыбнулась.

– Моника подарила, – довольно сказала она и, сделав небольшой глоток, закатила глаза. Если бы я не знал, что нет

заказа на рекламу, то подумал бы, что она переигрывает. – Попробуй, очень вкусно!

Я наполнил бокал и пригубил. Ничего особенного, учитывая, сколько баллов оно стоит.

– Отличное вино. Поставила на кого-нибудь?

– Да, на маньяка... Он последний не пойманный из хэлоуинских, и мне кажется, его оставят в живых, чтобы вывести в Конце Цикла.

22:30, шоу будет идти еще сорок пять минут. Я не хотел смотреть, как погибнет не рассчитавшая свои силы при выборе уровня сложности и рискнувшая ребенком семья.

– Ты не возражаешь, если я пойду спать?

– Конечно, нет, дорогой, отдыхай.

Уже в дверях я осознал, что ни во время ужина, ни после мы не говорили о Софье:

– Как дочурка?

– Да как обычно. – ответила Ира не оборачиваясь. На экране как раз показывали девочку лет двенадцати в темном пустом подвале. – Школа, мальчишки, уроки, непонимающие родители.

Да, все как обычно, кроме мальчишек. Должно быть, Ира пошутила.

Сказывалась утренняя нагрузка, и ноги дрожали, когда я поднимался по ступенькам.

Бордовый пеньюар жены намекал на интересное продолжение вечера, но ждать еще почти целый час... Можно, ко-

нечно, вернуться и предложить переключить канал на эрошоу из Синего мира... Нет. Завтра.

Я закрыл дверь как раз вовремя, для того чтобы приглушить крик, раздавшийся из телевизора.

Сквозь плотную ткань занавесок едва пробивались первые лучи позднего ноябрьского солнца. Я проснулся от холода и посмотрел на часы: до рекламного блока оставалось пять минут. Перекатился на правый бок, думая прижаться к теплому телу супруги, но ее половина кровати пустовала.

Я закрыл глаза и, натянув одеяло до подбородка, наслаждался последними минутами тишины.

Потолок включился ровно в 8:00. Счастливые голоса наполнили комнату, они наперебой вещали про растворимые завтраки «Лесуик», их чудесный вкус, бесконечную пользу и простоту приготовления. Все, кроме последнего, было враньем. Я повернулся к объективу. Искусственный интеллект просчитал уровень искренности моей улыбки и дал три балла – совсем не плохо, учитывая раздражающий грохот в ушах и слепящее мелькание картинки.

Я откинул одеяло и сел. Дрожь пробрала с пяток до плеч, когда ступни коснулись холодного пола. До выполнения утреннего норматива по прослушиванию рекламы оставалось восемнадцать минут. Пора приступать к зарядке!

Махи руками, наклоны и прыжки дались легко. Приседания труднее, но проще, чем вчера. С отжиманиями дела об-

стояли хуже всего. Отрывая грудь от пола в двадцатый раз и видя, как капли пота, собравшись в струйку, падают на ламинат, я судорожно пытался вспомнить, кто вообще надоумил меня начать делать упражнения. И не смог. Просто в один из серых октябрьских дней голос в голове прошептал: «*Завтра с утра начинай заниматься спортом*». И я начал.

Рекламный блок закончился. Я не доделал отжимание и, кряхтя, поднялся. Настроение улучшилось, и, напевая мелодию из рекламы, я пошел в ванную.

По результатам утренних процедур десять баллов упали на счет.

Зайдя на кухню (повезло: сегодня будем рекламировать «Хезуки»), я поприветствовал Иру и Софью. Девочки ожидаемо среагировали на мое появление по-разному. Жена, в белом домашнем халате, уже успела накраситься и явно обрадовалась – ее губы коснулись моей щеки, а рука, к удивлению, хлопнула пониже спины. А вот дочь, едва не уронив стул, резко встала, швырнула ложку в чуть тронутый завтрак и быстрыми шагами направилась к двери.

– Может, доешь все-таки?

– Доешь сам, – Софья суетливо надевала куртку, – и не забывай хвалить!

Дверь за ней захлопнулась.

Я подошел к окну и отодвинул легкую голубую занавеску. Софья как раз выходила за калитку. Лучи восходящего солнца отражались от ее белой короткой куртки, а ветер раз-

вевал длинные русые волосы. Вот тебе и хорошее утро.

Рука Иры легла мне на плечо.

– Просто переходный возраст, – голос супруги был тихим.

– Да, – сказал я так же тихо.

Мы оба знали, что это неправда.

– Позавтракаем? – после небольшой паузы уже громче предложила Ира.

Я обернулся к столу, на котором сиротливо стояла тарелка.

– Включай.

Ира нажала кнопку на пульте, направив его на кухонную камеру, та зажужжала, взлетела и, вращая во все стороны объективами, зависла в метре над столом. Я сделал шаг вперед.

– Ну раз моя упрямая дочь отказалась, – объективы камеры сфокусировались на мне и тарелке, – то я с удовольствием доем за ней! «Хезуки» с утра – что может быть лучше?

Мы заканчивали завтрак в лучших традициях рекламных роликов: улыбки в камеру и друг другу, хвалебные речи то одному, то другому блюду. Ира сделала дополнительный акцент на новом наборе ножей и отлично работающей посудомоечной машине (откровенно говоря, достаточно паршивой). Чтобы мое поведение более-менее соответствовало словам, я запрятал мысли о Софье на задворки сознания и старался думать о новой газонокосилке, которую собирался

купить на одной из распродаж, приуроченных к Концу Цикла.

После мы пили кофе «Премии» с «ярким насыщенным ароматом» и смотрели ролики из Красного мира, супруга что-то печатала на браслете, сосредоточенно морща лоб.

– С Викторией переписываюсь, – пояснила она, поймав мой взгляд. – Кстати, завтра заскочишь к ней?

– Опять?

– Ты же не откажешь своей любимой жене? – Ира подмигнула и коснулась пальцами моей ладони.

– Какие сантименты на пятнадцатом году брака.

– Сереженька, то ли еще будет.

Она встала, из-под неплотно запахнутого халата на секунду показались кружевные розовые трусики, зашла мне за спину и наклонилась. Мягкие волосы, источая аромат свежих яблок, упали на мои плечи, а теплые руки скользнули под рубашку, двигаясь все ниже.

– Как насчет вспомнить молодость?

Губы Иры коснулись шеи, а от жаркого дыхания по телу побежали мурашки.

– Сейчас?

– Сейчас и здесь, – она укусила меня за мочку уха.

Кто же от такого откажется? Любимая женщина просит ласки, за спонтанный секс на кухне накинута куча очков, да и давненько не звучало от Иры подобных предложений. Я повернулся к ней и собирался поцеловать, но тут внимание

привлекло движение за окном.

– Эй, мне кажется, сосед только что смотрел на нас, – пробормотал я, осторожно высвобождаясь, – как там его... Майк?

– Мэйсон, – прошептала Ира, продолжая натиск. – Пусть смотрит, это заводит!

– С каких пор? – удивился я.

Супруга не успела ответить – в дверь позвонили три раза подряд.

– Я открою, – она отстранила меня и, запахнув халат, пошла в прихожую, – а ты собирайся, скоро автобус.

Экран браслета подтвердил ее слова. Если выйти через шесть минут, можно будет пройти самым длинным маршрутом, и появится шанс побить личный рекорд по очкам в день.

– Расчет пути закончен, безопасные варианты выведены на дисплей, – навигационную программу озвучивал приятный женский голос. – Напоминаю, что при повышении уровня угрозы количество баллов за выполнение заданий увеличивается.

– Знаю.

Я изучал маршруты. Один был длиннее и содержал три ключевые точки. Расчетное время прибытия 9:52. С запахом! Я нажал кнопку подтверждения и вышел на улицу.

Облака скрыли едва поднявшееся над горизонтом солнце, а сильный ветер норовил проникнуть за шиворот. Иры во

дворе не было, должно быть, ушла за дом. Я включил подогрев куртки и поспешил на остановку.

Мобильная камера № 32065 продолжает запись.

Место действия: двор дома семьи Фроловых.

Мужчина выходит за калитку и быстрым шагом идет вдоль дороги.

Камера перелетает дом и зависает над задним двором.

Изменение режима: запись для кабельного канала включена.

Женщина прижата спиной к внешней стене дома, ее халат распахнут, длинные черные волосы спадают на грудь, она стонет. Рядом лежат розовые трусики. Мужчина прижимается к ней всем телом и тяжело дышит.

Датчики фиксируют возбуждение у обоих.

Женщина смотрит в объектив и улыбается.

Автобус подъехал по расписанию. К моему удовольствию, это был один из старых Мерседесов, которые еще не успели заменить перед Концом Цикла.

Я устроился в удобном кресле. Возможно, это моя последняя комфортная поездка до Нижнего города в Зеленом мире.

Двери закрылись, и автобус мягко тронулся. Свет в салоне погас и включился монитор, встроенный в спинку впереди-

стоящего кресла; появился список программ для просмотра.

Так-с, мой палец завис в сантиметре от экрана: новости передавали во время завтрака; шоу – нет настроения; значит – музыка. Лучше ретро. Я ткнул в нужный пункт меню, откинулся на спинку и посмотрел в окно: город лежал передо мной как на ладони – идеально структурированный, прагматичный и красивый одновременно.

Готовый к разрушению.

Частный сектор, из которого мы как раз выезжали, был внешним жилым кольцом, ближе него к защитному куполу располагались только инфраструктурные объекты: промышленные производства, фермы, электростанции, а далеко на севере – аэропорт.

Внутренним жилым кольцом вокруг центра раскинулся Нижний город – основная часть мегаполиса, состоящий из четырех-, пятиэтажных домов, магазинов, больниц и всевозможных предприятий сферы обслуживания. Большинство небезопасных зон приходилось на эту часть Зеленого Мира.

В центре величественно возвышались пять изумрудных небоскребов – этакие големы, в которых создатель вложил всю свою силу, но ограничил их жизнь тридцатью годами. Глыбы из стали, стекла и бетона.

Я задумался и вздрогнул, когда прогремел взрыв. В пятистах метрах от автобуса расцвел огненный цветок – мы въезжали в Нижний город.

Хоть безопасность общественного транспорта и являет-

ся одним из ключевых принципов в схеме МультиМирового устройства, атмосфера в салоне изменилась: несколько ребят взвели курки пистолетов, кто-то пересел поближе к выходу, а кто-то, как и я, согласно инструкции, пристегнулись и задернули окна шторками.

Я шел мимо разноцветных мигающих витрин и вывесок с одной стороны и немногочисленных проезжающих электромобилей с другой. Настроение стремительно ухудшалось: вернулись мысли о Софье.

Вечная проблема, на которой и стоят наши три мира, – выбор уровня сложности.

В молодости все мечтают жить ярко, пусть, возможно, и недолго, нежели уныло, но без риска. В отличие от дочери, я не понаслышке знал эту разницу: все мои родственники умерли до ее рождения.

Сейчас казалось очевидным, что стоило все в подробностях рассказать Софье раньше, а не ограничиваться перечислением фактов, что зря я тянул, придумывая все новые оправдания для отсрочки. Чего я боялся? Того, что дочь не поймет и не примет мои доводы? Или того, что так же, как и я сам, обвинит меня во всем случившемся и наши отношения еще больше ухудшатся? Так куда же хуже?

Я стоял на перекрестке, когда прогремел еще один взрыв. В конце улицы объятая пламенем машина взлетела в воздух, несколько раз перевернулась и упала на крышу. Ветер донес

запах горящих покрышек. Загорелся зеленый сигнал, и я пошел дальше.

Браслет пиликнул, сообщая о заработанных десяти баллах. Маршрут безопасный, значит, до места взрыва не меньше четырехсот метров. Находишься ближе, чем в пятидесяти метрах, на пятом уровне, упало бы пятьсот. Но, возможно, вместе с осколком в живот или голову. И все. Шоу для меня бы закончилось, и не было бы больше ни пятого, ни третьего, ни даже безопасного уровня – только гроб, хорошо, если открытый.

Таких случаев сотни в день. Жадность, адреналин и юношеский максимализм – три основных пути в могилу.

Сверху послышался быстро нарастающий гул, я вскинул голову: похоже, опять метеорит. Не до конца опознанный объект прочертил огненную дугу и рухнул справа за дома. Стекла в витринах зазвенели, и в небо взметнулось большое облако пыли и осколков. Очевидно, с той стороны сегодня проходит маршрут пятого уровня. Машины пожарной и скорой помощи спешили к местам происшествий. Я пропустил их и перешел дорогу.

Первая ключевая точка – четырехметровый экран, зафиксированный на высоте человеческого роста. По счастью, он транслировал не скучную рекламу, а анонсировал рейтинговые шоу из Синего мира, самого нового из запущенных. Ему не было еще и десяти лет, многие шоу и программы там только набирали обороты. Смотря их, я часто испытывал но-

стальгию по годам юности, проведенным в Золотом мире.

Чтобы не мешать проходу, я примкнул к группе зрителей чуть в стороне от пешеходной дорожки.

– Террористы захватили небоскреб в центре города, – вещал диктор. На экране мелькали кадры с изображением здания и кучи вооруженных людей в черных масках. – Заявку на участие в операции по ликвидации уже подали восемь добровольцев, включая известных специалистов по антитеррору Бориса Варвара и Кейси; событие начнется через шесть часов или после регистрации десяти претендентов.

Видеоряд сменился, теперь камера передвигалась по темным пустым коридорам.

– Потеряна связь с подземной исследовательской лабораторией. По последним данным, ученые занимались изучением активности мозга после смерти. Идет набор группы для расследования произошедшего. Ориентировочная дата начала проекта – десятое ноября.

Картинка вновь сменилась, теперь с высоты птичьего полета показывали наш – Зеленый мир. Камера медленно проплывала над шпилями небоскребов.

– Напоминаем, что в Зеленом мире через три месяца заканчивается тридцатилетний цикл (интересно, как такое можно забыть?), а это означает два месяца самых ярких и незабываемых финалов – откроются все тайны и закручиваемые годами интриги. Конечно, не обойдется и без глобальных катаклизмов!

Изображение поменялось: на экране появились архивные кадры Золотого мира в последние дни существования. Вернее, его пылающие руины. Камера находилась невысоко, и отчетливо было видно, что среди развалин повсеместно идут бои.

– Всем жителям, планирующим переселиться в Синий или Красный мир, следует подать заявки до двадцатого ноября включительно. Переселение будет проводиться согласно расписанию – с двадцать первого ноября по пятое декабря!

Браслет запищал, давая понять, что можно двигаться дальше.

Переселение. Правильное слово – эвакуация! Из безбашенных людей, что рискнут остаться или прибудут из других миров в надежде крупно заработать, в живых останется, может быть, каждый десятый.

А таким, как я, лучше в Синий. Спокойнее. Может, хоть там удастся найти общий язык с дочерью, особенно после того, как она увидит по телику перерождение, а точнее, гибель Зеленого мира.

До второй точки я добрался без приключений, лишь пару раз вдалеке слышались отдельные выстрелы, и на глаза попала свежая растяжка над дорогой: «Район Б2 закрыт на карантин. Убедительная просьба не приближаться. Охране дан приказ стрелять на поражение!». Введение карантина могло означать что угодно: от вспышки эпидемии до вышедших

из-под контроля каких-либо существ. В любом случае мой маршрут проходил далеко от района Б2.

Второе ключевое событие представляло собой спонтанную покупку крутого новейшего утюга, стоящего в витрине на медленно вращающейся платформе. Я, согласно правилам, постоял минуту у входа, восхищенно разглядывая замысловатое устройство, напоминающее миниатюрный космический корабль, затем зашел в магазин и приобрел товар. Еще пару минут мы с продавцом улыбались друг другу, наперебой расхваливая прибор. Может и, правда, неплохой. Надо попросить Иру что-нибудь погладить в течение тех трех дней, пока он будет нашим.

Тучи вновь расступились, и в куртке сразу стало жарко. Я растянул молнию. Неприятный осадок после утренней стычки с дочерью постепенно растворялся. До офиса оставалось совсем немного.

Последней ключевой точкой стала реклама (куда без нее). Мне досталась роль смотрящего. Помимо прочего, показали и газонокосилку, на которую я положил глаз.

В 9:50 я входил в широко распахнутые двери шестидесятидвухэтажного офисного центра.

Прозвучавший в 13:00 сигнал на обед стал спасением: почти два часа я не мог достойно закончить простенькую статью о новом месторождении и очень рассчитывал, что перерыв пойдет на пользу моему писательскому таланту.

Столовая находилась на пятнадцатом этаже. Просторное помещение, целиком окрашенное в голубые корпоративные цвета, встретило меня гремучей смесью запахов и гулом тысяч голосов.

– Серега, иди к нам!

Метрах в десяти из-за четырехместного столика поднялся Сашка и интенсивно махал рукой. Его трудно было не узнать: белая шевелюра молодого программиста слишком выделялась. И Валера с ним. Неплохая компания.

Сашка подвинул поднос, освобождая место на столе.

– Рад видеть тебя, Серега.

– Взаимно, – я пожал протянутую руку и повернулся к Валере, – и тебе привет.

– Хай, – мужчина вытер ладонь о штанину и поздоровался. – Устраивайся.

– Рекомендую БигБургер ланч, – сказал Сашка, – порции большие, очень вкусно, и за него сегодня двойные баллы.

Говоря это, он, естественно, смотрел в объектив камеры, висящей над столом.

– С удовольствием, – в свою очередь обратился к невидимым наблюдателям из других миров и я. – Что может быть лучше сочного БигБургера с картошкой фри и колой на обед?

Я нажал нужную комбинацию на дисплее, прислонил браслет и через мгновение, когда отсек выдачи открылся, вынул поднос. Бургер оказался не совсем «Биг», да и кар-

тошка уже чуть остыла, но пахло все просто замечательно: на ароматизаторы производители никогда не скупилась.

– Хороший текст, Серег, – сказал Валера, стряхивая крошки с пышных усов, – думаю, директор утвердит.

Конечно, утвердит, как только выкинет все лишние, на его взгляд, обороты. Потом еще и еще. Пока не останется голый каркас фактов. Слишком «поэтично» – вот его основная претензия к моим описаниям, мол, непонятно среднему обывателю. «Процессы газодобычи не нуждаются в настолько литературной подаче» – его последняя рецензия.

– Ты не передумал переходить в Синий? – Сашка интенсивно жевал, и я еле разобрал, что он говорит.

– Нет, все решено, документы в обработке.

– Ясно, – парень поднял стакан и поднес его к камере. – А запить бургер всегда лучше холодной колой.

Залпом выпив напиток и еще раз улыбнувшись в объектив, Сашка продолжил:

– А вот мы с Валерой решили встретить Конец Цикла тут и хорошенько повеселиться, да, Валер?

Он ткнул в плечо собеседника локтем. Сказано все было так серьезно, что мои брови непроизвольно поползли вверх, и только набитый рот помешал задать напрашивающийся вопрос.

Валера неторопливо дожевал ломтик картошки, запил и, повернувшись к молодому человеку, отвесил ему шуточный подзатыльник.

– Да заливаает он, – мужчина сцепил руки над уже почти лысой головой и сыто потянулся. – Я постараюсь свалить отсюда самым первым рейсом. И тебе, дураку, – это снова Сашке, – советую.

Сказал он это просто и без эмоций, но я знал, что это показное.

Тридцать лет назад, в Конце Цикла Серого Мира, Валера, будучи шестнадцатилетним пацаном, вопреки советам друзей и родственников, решил подзаработать на повышенных ставках по баллам и наотрез отказался переселяться. Когда его отец понял, что сына уговорить не получится, а заставить совершеннолетнего нельзя по закону, решил остаться с ним. С трудом, едва не силой, они отправили мать Валеры в Золотой мир, самый молодой на тот момент. Сами же записались в добровольцы.

Какое-то время все шло хорошо, но потом, в одном из боев с толпой человекоподобных ящеров, парень потерял руку и ногу и выжил лишь благодаря отцу, который, получив смертельное ранение, еще пять километров тащил его на себе. Потратив три аптечки на сына, к моменту прибытия врачей он умер.

Валеру откачали и, как героя, перевели в Золотой мир. Восстановили руку и ногу, но не душу. Как он говорит, первая седина появилась уже тогда. Через год, когда на месте разрушенного Серого мира уже развивался Зеленый, он выбил себе перевод, чтобы как можно дольше жить в относи-

тельном спокойствии.

Прошло тридцать лет. Цикл успел завершиться в Золотом и Стальном мирах и теперь снова добрался до уже сильно повзрослевшего мужчины, его престарелой матери, жены и двух детей, двенадцати и четырнадцати лет. Насколько я могу судить, Валера специально не заводил их раньше, чтобы им при Конце Цикла еще не исполнилось шестнадцати, как когда-то ему, и он мог принять за них решение о переходе.

Я запил кусок бургера колой и, посмотрев на Сашку, покачал головой, предостерегая от подобных шуток. Он, кажется, понял, чуть замялся, но его настолько поглотила идея отличиться в предстоящих событиях, что долго он не выдержал.

– Смотрите, – он выдвинул руку с браслетом и пару раз его коснулся – над столом появилось трёхмерное изображение. – Это АК-47-р76, модификация этого года, со всеми наворотами: подствольник, прицел, глушитель и т. д. Отдачи почти нет. Вчера привезли, брал по предзаказу, для первых добровольцев на тридцать процентов дешевле! И то еле хватило.

Аппетит пропал. Я отложил недоеденный бургер. Валера задумчиво разглядывал ногти. Конечно, система ММУ – жизненная необходимость, но как спокойно такое слушать?

Вот сидит напротив еще совсем молодой мужчина, можно сказать, парень и, сияя от счастья, показывает автомат, который, скорее всего, даже не положат в его могилу, так как тела большинства добровольцев или не находят, или не могут опознать. Даже чип с его памятью изымут Управляющие.

А сколько таких и еще более юных ребят захотят поиграть в героев?

Все-таки нам с Ирой повезло, что Софье всего четырнадцать.

– Надо еще поднакопить на всякие приблуды типа расширенных аптечек, защиты, гранат и т. п., – продолжал тем временем Сашка, не замечая ничего вокруг, – и тачку чуток проапгрейдить...

Я кашлянул и попробовал сменить тему:

– Сашк, мы как, успеваем новых роботов поставить на северо-восточное месторождение?

Молодой человек смотрел на меня несколько секунд, видимо, пытаясь понять, о чем я говорю, а когда понял, лишь с досадой поморщился.

– Да какая разница? Успеваем вроде, – он по очереди оглядел каждого из нас. – Вы серьезно, ребят? Какие роботы? Здесь же скоро некому будет ими заниматься, всех или эвакуируют, или убьют. Минимум год они простоят без дела, пока город хоть чуть-чуть отстроится и ему потребуются ресурсы. А газ в нормальных количествах так и вовсе лет через пять только понадобится.

Прозвучал громкий сигнал: до конца обеда осталось полчаса. Это ненадолго отвлекло Сашку, он схватил пустой стакан, задумчиво потряс, снял крышку и трубочкой тщательно собрал остатки колы со дна.

– Кстати! – воскликнул он, и его серые глаза вновь забле-

стели. – А вы в курсе, какой цвет дадут тому миру, который возведут на месте нашего?

Мы были не в курсе.

– Мой знакомый с верхних этажей, – Сашка понизил голос и многозначительно указал на потолок, – проболтался, что, мол, приемлемых цветов и характеристик уже не осталось и якобы следующий мир назовут цветом самого первого. Белым!

Мы промолчали. Валера жевал остатки картошки и смотрел в окно, я же откинулся на стуле и бездумно оглядывал длинные ряды одинаковых столов. Сашка говорил быстро, торопясь поделиться своими эмоциями.

– Белый! В честь первого города, воздвигнутого после катастрофы! Легендарного! Который основали люди из еще *того* — погибшего мира! Вы что, не понимаете? Нам всем выпала возможность поучаствовать в последней битве последнего цикла! Стать защитниками города, который переродится в изначальный!

– И который снова умрет через тридцать лет, – тихо сказал Валера, все еще глядя в окно.

– Что? – Сашка недоуменно посмотрел на него, явно не расслышав.

– Ничего, – мы переглянулись с Валерой и практически одновременно встали.

– Куда вы, – расстроился парень, – еще двадцать минут.

– Да работы валом.

– Ну..., – я буквально чувствовал спиной его непонимающий взгляд.

Шум и запахи столовой остались позади. Валера ждал у лифта.

– Жалко парня, – сказал он.

– Да, жалко.

Двери лифта открылись, и, больше не сказав ни слова друг другу, мы зашли в кабину.

До конца обеденного перерыва оставалось еще пятнадцать минут, и я, расположившись настолько удобно, насколько позволял жесткий офисный стул, зашел на любимый с юности развлекательный сайт.

Быстро пролистав подборки фотоприколов, я открыл короткий юмористический рассказ с неплохими оценками и уже приступил к чтению, как вдруг заметил появившийся в правом нижнем углу значок с пометкой «НЗ-СРОЧНО». Я незамедлительно кликнул.

Ух ты! Бомба! Хакеры Нового Завета опять выложили анонс событий нашего мира! По степени вреда для Управляющих это преступление превосходило все остальные вместе взятые: жители могли использовать информацию о том, что произойдет в ближайшие недели и месяцы в личных целях, и тем самым повлиять на тщательно рассчитанные сценарии.

Я быстро включил запись, надеясь хоть что-то успеть увидеть: Управляющим потребуется не более пяти минут на уда-

ление всех копий файла.

Ничего себе! В правом верхнем углу экрана находилась буква «У», нанесенная на треугольный щит, – эмблема Управляющих. Это был не обычный анонс, а эксклюзивный, для закрытого канала.

Я промотал заставку.

Так, район 2Б: вирус оживляет мертвых. Куда без зомби? Промотал еще. Ночные исчезновения в 4В: не вампиры, как думали многие, а семья маньяков-каннибалов, работающих в местной школе. Да, после слива этой инфы, чтобы разрулить ситуацию, сценарным компьютерам придется включать свои стоядерные процессоры на полную мощность.

Блин, где же спортивные события? О! Что-то про инопланетян, глобальное, связанное с Концом Цикла. Мелькнула карта, вся в синих и красных огоньках, какие-то дома, вроде наш район. Я чуть прокрутил вперед.

Что это?

Это же мое лицо? Картинка уже сменилась, теперь показывали убранство космического корабля. Я попробовал отмотать чуть-чуть назад, но слегка переборщил и вновь попал на семью маньяков. Снова вперед: панорама частного сектора, приближается дом. Действительно, похож на мой! Диктор рассказывает про раскручивающийся маховик вторжения. Во двор въезжает навороченный Мерседес. Задняя дверь открывается, и выходит сногшибательная брюнетка: волосы распущены, длинное черное платье и туфли на высо-

ченном каблуке. Камера приближается, знакомое лицо, похоже... очень похоже на мою жену Иру! Что за...

Свет погас, и вместе с ним вырубился и компьютер. Да что такое?

Зазвонил браслет. Кристофер! Год как не слышались. Я принял вызов, и его голос зазвучал в наушнике.

– Здорово, Серый! Ну приколы! Ты видел? – заорал он.

У меня похолодело внутри.

– Видел что?

– Взломали анонс закрытого канала Управляющих! Ты теперь... – в наушнике послышались короткие гудки, сеть пропала. Второй раз на моей памяти. Я рассеянно смотрел на безжизненный браслет. Секунд через десять додумался перезагрузить. Ничего не изменилось, сеть не работала. Вышел в коридор – из кабинетов выглядывали растерянные люди. Вернулся.

Дом, похожий на мой, и женщина, один в один Ира, когда накрается. Бывают же совпадения. В задумчивости я подошел к окну: в соседних башнях свет тоже не горел, как и во всех домах, насколько я сумел разглядеть. А вот машины, которые отсюда казались не больше муравьев, двигались в обычном режиме, видимо, светофоры работали.

Наконец, два раза мигнув, загорелась лампа. Я посмотрел на экран браслета: сеть появилась. Включил компьютер, одновременно набирая номер Кристофера. После семи гудков, когда я уже собирался дать отбой, он ответил.

– Привет еще раз, Крис!

– А, это ты, Серег, – его голос звучал глухо. – Что хотел?

– Да это ты же звонил мне, про Управляющих говорил.

– А... это я... пошутить хотел, там человек мелькнул, чем-то на тебя похожий. Забей. Мне тут работы навалили – позвоню днями. Пока.

Раздались гудки.

Вот все и выяснилось: просто кто-то похожий! Лучше бы попались субботние результаты битв роботов.

Обеденный перерыв закончился. Я запустил нужную программу и, стараясь не обращать внимания на терзающие сомнения, погрузился в работу.

В 19:05 я сошел со ступенек офисного центра. Давно стемнело, ветер дул еще сильнее, чем с утра, поднятый воротник куртки и включенный на максимум обогрев не спасали. Браслет указывал маршрут, а мысли роились в голове.

Розыгрыш? Случайно зацепило соседскими крутыми квестами? Показалось, в конце концов? Могло быть все что угодно.

Людской поток нес меня по улице. Низкие тучи висели над городом, и в любой момент мог начаться нудный осенний дождь.

Вскоре я достиг первой рекламной точки, встал чуть в отдалении, чтобы не мешать проходу, и, воспользовавшись свободной минутой, открыл записную книгу.

Кто может что-то знать? Из более-менее близких и с кем еще не потеряна связь? Володя хоть и мелкий служащий, но в коридорах его офиса чего только можно не услышать. Гриша, известный журналист, тут шансов больше. Стас, вроде еще наёмничает. Надо звонить всем.

На рекламном экране один за другим сменялись изображения товаров. Подходили и уходили люди, тихо проезжали мимо электромобили. Начал моросить дождик, и не стихал ветер. Ни один абонент так и не ответил.

Уже давно прошло время, за которое давали баллы на этой точке, когда я наконец смирился и пошел дальше.

Что-то сегодня весь день глюки со связью.

Конечно, когда блокируют твои звонки, всегда глючит.

Я замер и огляделся. Никого, кроме спешащих домой незнакомцев, которым нет до меня дела. Кто это сказал? Создавалась неприятное впечатление, что голос возник прямо в голове. Я прикоснулся рукой к виску, нащупал под волосами имплант и пошевелил его. Разумеется, ничего не произошло.

Неуверенно я двинулся дальше и шепотом, чтобы не показаться прохожим шизофреником, спросил:

– Вы кто?

Ответа не последовало. Расслабиться и просто смириться со слуховой галлюцинацией не получалось. Во мне росла уверенность: ту полурекомендацию, полуприказ о необходимости заниматься спортом, которую две с небольшим недели

назад я принял за внутренний позыв, на самом деле внушил этот же голос.

Происходящее нравилось мне все меньше.

Сядясь в автобус, я решил выйти на несколько остановок раньше и заскочить к Грише, хоть и не особо рассчитывал застать его.

Глава 2

Мне улыбнулась удача. Подходя к дому друга, в свете уличного фонаря я увидел знакомый силуэт, копошащийся у калитки.

– Гриша! – окликнул я его и ускорил шаг.

– О! Серега! Какими судьбами?

Мы подошли так близко, насколько позволяли раскрытие зонтики, и поздоровались.

– Гуляешь перед сном?

– Почти... – я замешкался, зная, как нелепо может прозвучать причина нашей встречи. – Тебя искал.

– Да, а чего не позвонил? – он удивленно смотрел на меня. – Честно говоря, ты меня чудом застал, я буквально на пятнадцать минут заскочил переодеться. Потом на встречу.

– Не смог дозвониться... Может, я зайду?

На секунду Гриша задумался, но тут же губы его растянулись в улыбке.

– Идем, – он открыл калитку, – ты же не был у меня после ремонта?

Последний раз я гостил у Гриши на его тридцатипятилетии. За это время многое изменилось: сам он потолстел, а дом после ремонта приобрел соответствующую старожилу и долгожителю солидность.

Все стены первого этажа были снесены, и потолок подпирали лишь массивные белые колонны, сверху донизу украшенные черными замысловатыми узорами. Вообще, в интерьере присутствовали только два цвета. Потолок и стены были белыми, пол и мебель черными.

– Кидай все туда, – небрежным жестом Гриша указал на встроенный шкаф, – и располагайся, я скоро.

Он сбросил куртку и быстрым шагом, делающим его походку слегка комичной, направился к лестнице на второй этаж. Я разделся и в ожидании хозяина прошел в зал.

Убранство не выдавало активную, сумасбродную личность Гриши, я скорее чувствовал себя в музее, чем в гостях у заводилы любой компании и талантливого журналиста. Оставалось предположить, что беспорядок и кучи, на первый взгляд, хаотично разбросанных бумаг, переместились на второй этаж. Внизу же было помещение для приема. Множество разного размера и формы столов, диванов и кресел, три барных стойки и много чего еще. Как в лучших гостиных из ток-шоу.

Только стены намекали, а точнее вопили, о роде деятельности Гриши. Он тщательно рассчитал: оказалось, что, идя по периметру зала, гость мог в хронологическом порядке узнать все значимые этапы жизни хозяина.

Первые экспонаты были мне знакомы: семейные фотографии, начиная с тех, что изображали новорождённого Гришу со счастливыми родителями, только перебравшимися в Се-

рый мир и заканчивая трагическим моментом в жизни семиклассника Гриши в Золотом мире.

Дальше серия новостных распечаток, занимающих метров пять стены и посвящённых таинственному исчезновению его отца. Полгода запутанное преступление не удалось раскрыть никому. В итоге это сделал сам Гриша, что принесло ему много баллов и предопределило дальнейший жизненный путь.

Я ускорил шаг, лишь мельком оглядывая экспонаты. Вот наградная грамота за помощь в раскрытии похищения и убийства его отца. Вот любительские расследования, сделанные им в старших классах. Ко многим прикреплен чек с суммой заработанных баллов. Диплом школы. Фото, где Гриша жмет руку Виктору Марису, хозяину «Передового вестника» (тот проделал очень серьезную работу, чтобы перехватить у двух других издательств талантливого парня). Первые статьи и расследования.

Снова фото с Виктором Марисом. Грише двадцать лет. Только что состоялся переход издательства в Зеленый мир. Казалось, конкуренцию на уже поделенном рынке выиграть невозможно, но талантливая команда семи новичков из Золотого мира справляется, и скоро штат пятикратно возрастает.

Опять статьи, грамоты и редкие фото личной жизни.

А вот и я. Мне тут двадцать три, а Грише исполняется двадцать девять. Шикарный ресторан, куча гостей. Как сейчас,

помню долгий спор о новом романе тогда еще малоизвестного Дениса Гаруса «Уровень сложности». Именно на почве любви к литературе и началась наша дружба.

– Ностальгируешь?

Гриша спускался по лестнице. Даже если он и переоделся, то в точно такой же костюм, как и раньше.

– Ты извини, у меня реально мало времени, так что пойдем вон за тот стол. Я в бумажках поковыряюсь, а ты расскажешь, что у тебя случилось. Если хочешь выпить или закусь, любой бар к твоим услугам.

Все, как всегда: на отдыхе весельчак, но когда возникает серьезный вопрос – четкие инструкции и деловой подход. Я с трудом сдержал улыбку, взял из ближайшего холодильника бутылку лимонной газировки и сел на огромный полукруглый диван напротив Гриши. Он уже всю перебирал содержимое зеленой папки, которую принес с собой.

Спокойно, тепло и сухо, старый друг рядом. Что я здесь делаю? Я растекся по дивану. Сейчас мои идеи и домыслы казались полным бредом. Возникло желание сказать Грише, что случайно проходил мимо его дома.

Че разлегся? Давай рассказывай, – вновь резануло в голову.

– Кроме нас, в доме никого нет? – на всякий случай спросил я.

– Нет. Более того, стоит лучшая защита от прослушки и камеры деактивированы. Гриша неправильно интерпретиро-

вал мой вопрос, но его ответ мне понравился.

Чтобы выиграть еще несколько секунд перед выступлением, результатом которого, безусловно, станет то, что Гриша назовет меня параноиком и высмеет, я сделал пару глотков из запотевшей бутылки, прокашлялся и больше ничего не придумав, начал.

С максимальной иронией, мол, самому смешно, я все рассказал старому товарищу. Умолчал лишь про голос в голове.

Гриша сначала слушал, не отрываясь от своих бумаг, но в какой-то момент отложил их и откинулся на спинку дивана.

Когда я закончил, над столом повисла тишина. Вдруг стало понятно, чем отличается простая тишина от гнетущей, на которой так любят акцентировать внимание закадровые голоса в фильмах.

Выражение Гришиного лица мне совсем не нравилось. Он встал, постоял несколько секунд и направился к ближайшему бару. Вернулся с бутылкой очень дорогого виски и двумя невысокими стаканами. Налил по половине и, не дожидаясь меня, залпом выпил. Зажмурился на секунду, а потом посмотрел так, что мне стало совсем не по себе.

– Неисповедимы пути Управляющих, Сергей, – стакан со стуком опустился на стол. – Возможно, я подчеркиваю – возможно! – ты попал под раздачу.

В задумчивости он взял несколько листков из папки, посмотрел на них и потом бросил обратно.

– А возможно, это полная херня, и тебе все привиделось.

Ага, конечно.

Гриша понизил голос, перейдя практически на шепот. А как же хваленая защита от прослушки?

– Что уже не первый год творится какая-то фигня, конечно, факт. А возможно, и всегда творилась. Но имеет ли это к тебе отношение, я не знаю.

– Какая фигня? – спросил я после того, как он замолчал и, откинувшись на диване, принялся рассматривать потолок.

– Разная, друг мой. Самая разная.

– А подробнее можно?

Паника накрыла меня такой резкой волной, что я схватил свой стакан и, не замечая вкуса, одним глотком осушил его.

– Видел я этот анонс сегодня, не весь, конечно, меньше трех минут, пока свет не вырубили...

– У вас тоже?

– Да по всему городу, я думаю... так вот. Успел кое-что увидеть, и это кое-что меня очень сильно взволновало. Я, конечно, как и ты, шелкал то вперед, то назад. Тебя, правда, не видел. Потом пытался со своими обсудить, которые наверняка тоже куски какие-то зацепили, но сам понимаешь, это дело серьезное, большинство делает вид, что ничего не было.

Гриша вновь замолчал и задумчиво оглядел зал, будто впервые его увидел. Эти «кое-что», «какие-то» и долгие паузы меня сильно раздражали, и я уже хотел опять поторопить, как вдруг заметил, что стакан дрожит в его руке. Не может быть! Гриша никогда ничего не боится!

– Девяносто девять процентов журналистов пишут заказные статьи, перепечатывают анонсы, описывают события или просто делают слонов из разных насекомых. В лучшем случае, ведут расследования, как я. В этом суть нашей работы. Но иногда появляются, даже не знаю, как их назвать. В общем... иногда у некоторых людей возникает мысль... даже потребность... писать о чем-то по-настоящему серьезном. А что самое серьезное и таинственное в наших мирах?

– Управляющие, – прошептал я. Гриша кивнул.

– Никаких официальных подтверждений нет. Но все знают: тот, кто начинает копать под них, автоматически выходит на пятый уровень опасности...

– Но это незаконно!

– ...и, как правило, быстро умирает. Некоторые считают, что это незаконно, а некоторые, что это какой-то скрытый квест-загадка, и разгадавший его сам станет Управляющим.

Вот это да! У каждой профессии есть свои легенды и скрытые задания, большинство из которых выдуманы много-много лет назад и сейчас даже звучат невероятно. Оказывается, есть такая и у журналистов.

Я потрясенно смотрел на своего как-то вдруг осунувшегося спутника. Как могут люди верить в подобную чушь? Гриша разыгрывает меня? Хотя... человек любопытен по природе. С детства нас окружают загадки. Больше половины предметов в школе учат практическим приемам их решения, и за каждое правильное положен приз. Таково устройство мира.

Если стоит действительно интересная задача, но ее решение сопряжено с риском, то без соответствующего вознаграждения никто не пошевелит и пальцем. Но если она **ОЧЕНЬ** интересная и **ОЧЕНЬ** опасная? То человек сам выдумает себе награду. **ОЧЕНЬ** большую награду. Например, стать Управляющим.

– И часто такое бывает?

– Что именно?

– Что люди, копая под Управляющих, умирают.

– Откуда я знаю? У каждого из нас есть лишь несколько человек, словам которых можно верить, а все остальное – слухи, домыслы и обрывки случайной информации, например, такой, что была сегодня в анонсе.

– Я так ни хрена и не понял! – воскликнул я уже плохо себя контролируя. – Какое это имеет отношение ко мне? И что мне делать?

Старый товарищ с грустной улыбкой смотрел на меня, в его глазах читалась борьба страха и решимости. Меня вдруг осенило: он один из тех, кто верит в то, что разгадавший тайну Управляющих станет одним из них.

– Продолжать то, что ты уже делаешь, успокаивать себя, верить, что тебе показалось, а весьма вероятно, так и есть. Просто жить, как раньше, мой друг.

Он наклонился к своим бумагам и принялся приводить их в порядок, потом замер и вдруг, подавшись вперед всем телом, быстро вполголоса заговорил.

– Завтра утром я встречаюсь с одним человеком, официально у нас тема другая, а неофициально именно сегодняшней анонс мы и хотим обсудить, вроде он сумел его скачать полностью. И завтра я смогу тебя успокоить... или... Мы сможем встретиться после двенадцати?

– У меня обед с часу.

– Ок, рядом с твоим офисом есть шашлычная «У Руслана», помнишь? Около заправки.

– Да.

– Встречаемся в тринадцать десять там, – он перевел взгляд на браслет, – а сейчас мне действительно пора.

Дождь кончился. Свет фонаря освещал крыльцо и отражался от луж на газоне. Росшие вдоль невысокого забора кустарники боролись с ветром, силясь сохранить на своих ветвях последние желтые листья. Я смотрел на ступеньки, ведущие к двери, и не мог заставить себя сделать шаг.

Всю дорогу я думал над словами Гриши и пришел к выводу, что ко мне они не имеют никакого отношения и, скорее всего, являются профессиональной журналисткой мнительностью, но все равно на душе остался неприятный осадок.

И сейчас, когда лишь несколько метров отделяло меня от тепла родного дома, я вдруг понял, что очень боюсь потерять его. Мне показалось, что я могу принести с собой заразу, которая пустит корни и разрушит создаваемый годами уют. Разногласия с дочерью виделись незначительным и времен-

ным явлением. Я был готов хоть сейчас подняться в комнату к Софье и объяснять, объяснять, объяснять, пока она не поймет, как сильно я люблю ее и что только это чувство движет всеми моими поступками.

Не знаю, сколько бы я еще простоял, но дверь неожиданно открылась – в проеме появилась Ира.

– Ну и долго ты будешь тут стоять, – спросила она и ласково улыбнулась, поправляя черные волосы, – ужин давно стынет.

В ту секунду, глядя в любимые карие глаза, видя каждую черточку по-прежнему прекрасного лица, я почувствовал, как страхи, что росли во мне последние несколько часов, отступают, что все происходящее – это лишь плод растревоженного грядущим Концом Цикла воображения, что тут дом и мне тут рады.

– А что на ужин? – я вскочил по ступенькам и прижал к себе жену.

– Все, как ты любишь: индейка от «индиДэй» с овощным салатом. Разве не чувствуешь, как пахнет?

– Пойдем, – я снял ботинки, кинул куртку на крючок, а зонтик в корзину. Мы обнялись и зашли на кухню.

Утро следующего дня не отличалось от множества других. Разве что заметно легче дались упражнения, и я посвятил им лишних пять минут. С Софьей мы разминулись, завтрак был вполне сносным, а Ира очень милой. Переживания прошед-

шего дня казались дурным сном, и сейчас, на светлую голову, я все больше склонялся к версии, что утечка анонса спланирована и является частью необычного глобального квеста.

Но чем меньше оставалось до назначенного Гришей часа, тем беспокойней становилось на душе. Все труднее давалась концентрация на работе, и я все чаще поглядывал то на браслет, то на серые тучи за окном, раз за разом прогоняя в голове последние события. Опять вспомнилась шикарная женщина, выходящая из Мерседеса и так похожая на Иру.

Вела ли моя жена себя подозрительно?

Вроде нет, разве что в последнее время стала чуть ласковее обычного, чуть активнее обычного, может, чуть ярче красилась, но все это могло мне просто померещиться.

Да и как я могу подозревать в чем-то женщину, с которой прожил половину жизни, которую помню со школы? Ту, которая сумела, пусть и не сразу, заполнить пустоту в сердце, оставшуюся после смерти семьи?

Может, Софья?

Точно нет. Кто-кто, а она себя вела последовательно: вчера, как только я вернулся, проигнорировав меня, ушла в комнату, и больше не появлялась.

Время тянулось еле-еле, но наконец час обеда настал.

Кафе «У Руслана» – место примечательное, оно не входит в «Объединенную Сеть Ресторанов» (ОСР) трех миров, и баллы за рекламу тут не начисляются. Владельцы подобных

заведений недополучают доход и, чтобы компенсировать это, привлекают дополнительных посетителей за счет качества обслуживания и блюд. Их клиенты – люди, желающие вкусно поесть без необходимости постоянно улыбаться на камеру.

На входной двери шашлычной мигало объявление, где крупными буквами шла реклама сегодняшних акций, а ниже, более мелко, посетители предупреждались, что через неделю кафе закроется навсегда. Неудивительно: приближался Конец Цикла, с каждым днем опасность потерять заведение увеличивалась. Конечно, до завершения эвакуации в безопасных секторах будет по-прежнему спокойно, но как только все желающие покинут мир, начнется Армагеддон, и в первую очередь пострадают те, кто не состоит в ОСР.

Уже на входе в нос ударил пьянящий аромат мяса, жареного на мангале, лука, чеснока и еще каких-то специй. Среди немногочисленных посетителей Гриши не было, и я занял максимально отдаленный от других столик.

– Рекомендую суп харчо и бараний шашлык с овощами.

Официант, типично для «У Руслана», был азиатом. Я согласился с его выбором и заказал ещё чайник черного чая.

Помещение кафе было оформлено в восточном стиле: на стенах висели огромные ковры с замысловатыми узорами, на удобных полосатых диванах лежали красные подушки с золотой бахромой и кисточками на углах. Большие изысканные люстры, похожие на перевернутые чаши, висели над каждым столом и выглядели заметно лучше набивших оско-

мину камер.

Но уютная атмосфера расслабиться не помогала. Гриша опаздывал уже на десять минут. Мрачные мысли вернулись. Без аппетита жуя баранину и постоянно поглядывая на часы, я медленно, но уверенно погружался в объятия паранойи. Вновь и вновь передо мной мелькали куски из анонса, всплывали вчерашние слова Кристофера и Гриши. Все больше мне не нравилось идеально-елейное поведение Иры и постоянно трущущийся у ограды сосед Мэйсон. Напрягал даже браслет, который почему-то без сбоев звонил только в офис и домой.

– Походу, съезжаю с катушек, – невольно вслух пробормотал я.

Или прозреваешь, – в этот раз интонация голоса стала иной, сочувствующей, что ли.

13:50. Все ясно: Гриша не придет. К удивлению, после очередного незваного вмешательства в мою голову я немного успокоился и придумал следующий шаг.

Валера не ждал посетителей, он сосредоточенно вглядывался в экран монитора, изучая замысловатый чертеж. Мне повезло, что он был на месте, предупредить по телефону о своем визите я не рискнул.

– О, здравствуй, Сережа, – я пожал протянутую руку, – не видел тебя на обеде сегодня.

– Замотался, поможешь мне немного?

– Только если немного, работы невпроворот.

– Совсем чуть-чуть, один телефонный звонок.

– А сам чего?

– Да тут такое дело, – я замялся, – вопрос личного характера.

За те два часа, что прошли с обеда, я только и думал, как убедить Валеру сделать нужный мне звонок. И все как одна причины никуда не годились. Ну в самом деле, что сказать? Ищу любовника жены? Или должника? В итоге я решил сыграть на родительских чувствах товарища и сейчас, с горящими от стыда ушами, врал ему прямо в глаза.

– Дочку мою помнишь? Так вот... ее какой-то старый хрен окучивает, боюсь, сейчас они вместе где-то, можешь звякнуть ему на работу в офис и узнать, там ли он, а если нет, то где он?

Валера расширенными глазами смотрел на меня. Он поверил и, видимо, принял ситуацию близко к сердцу. Я готов был провалиться сквозь землю.

– А если мне не скажут?

– Тот тип – журналист, скажи, что ты его информатор или инсайдер. Я не знаю, как у них там это называется. Пусть инсайдер. И что ты, мол, ему с обеда не можешь дозвониться, а есть важная информация. Вот номер, зовут Григорий Смирнов.

Пару секунд Валера смотрел на бумажку с цифрами, потом решительно поднял трубку офисного телефона. Я остановил его.

– Лучше с браслета.

– Почему?

Да откуда я, чёрт возьми, знаю, почему с офисного телефона нельзя дозвониться в редакцию? Вот что я хотел сказать, но сдержал себя и произнес очередную ахинею в надежде, что прокатит:

– Я уже звонил как-то с офисного, у нас же один исходящий номер, боюсь, он мог занести его в чёрный список.

Прокатило. Валера был слишком взволнован, чтобы заметить нестыковки в моих словах. Он набрал номер и вскоре в его наушнике раздался голос. Мне не было слышно, что он говорил.

– Здравствуйте, я хотел бы поговорить с Григорием Смирновым (пауза), мы с ним давно сотрудничаем, есть информация для него, но с утра не могу дозвониться (пауза), Валерий.

Должно быть, оператор попросил Валеру оставаться на линии. Я крутил в дрожащих пальцах непонятно как попавшую туда ручку и мерил шагами крошечную каморку. Надеюсь, у Гриши много информаторов и незнакомое имя его не смутит. Наконец в наушнике снова забубнил голос.

– Спасибо! – Валера дал отбой и с улыбкой посмотрел на меня. – Расслабься, все хорошо!

– Что хорошо? – я резко наклонился вперед, уже догадываясь, что услышу.

– Да все хорошо, – удивившись моей реакции, пробормо-

тал собеседник. – Не будет этот хмырь больше к твоей Софье клеиться, подробности не сказали, но уехал он под самый купол, на север. Там у него серия репортажей каких-то важных, ничем другим он больше заниматься не будет, и просил всех информаторов предупредить, что оттуда он сразу в Си-ний мир... Эй, ты куда?

– Спасибо, мне пора, – не оборачиваясь, я вышел из офиса Валеры.

Я немного успокоился, только когда закрыл хлипкую дверь своего кабинета изнутри. Камер наблюдения в офисах корпорации не устанавливали, так что я, не стесняясь, открыл тумбочку и, отодвинув папки с архивами, просунул руку внутрь. Бутылка джина стояла там еще с новогодней вечеринки, с тех пор я доставал ее лишь раз. Грамм триста – самое то. Там же, в тумбочке, нашелся и стакан.

Теплый крепкий отвратительный джин, я налил полстакана, то, что нужно!

Жидкость обожгла горло, я закашлялся, а на глазах выступили слезы. Лет пятнадцать не доводилось пить крепкие напитки больше, чем в один глоток.

Ноги сразу обмякли, и я опустился на стул.

Что мы имеем?

Имели твое и Ирино лица в анонсе, – голос решил поучаствовать во внутреннем монологе, и в этот раз я ждал его, – теперь еще пропал Гриша.

Лица можно было спутать, тщательно разглядеть их не удалось (*ага, конечно*), но двор на видео, пожалуй, все-таки мой. Я припомнил даже прислоненную к углу дома электрическую тележку с зелеными ручками, купленную в прошлом месяце, и которая стала предметом зависти всех соседей, даже новенького Мэйсона.

Если брать в расчет только данные анонса, то на первый взгляд все происходящее действительно походило на розыгрыш: даже в обычное время сразу несколько каналов устранивали замысловатые приколы, а сейчас близок Конец Цикла. Но какой резон Управляющим и их сценарным компьютерам лезть в жизнь простого офисного клерка вроде меня? В жизнь моей семьи? Тем более затягивать это на кабельный канал? Уже пятнадцать лет как мы с Ирой выбираем безопасный уровень, лишь иногда позволяя себе шалости на третьем уровне сексуальной шкалы.

Мог ли нас коснуться крутой выбор кого-то из соседей? Например, Мэйсон выглядел вполне по-боевому. Вряд ли: это противоречило основным постулатам безопасности гражданина. Да и выражение лица той, очень похожей на мою жену женщины ясно указывало, что все происходит по ее доброй воле. Ерунда какая-то.

Нужно поговорить с Ирой, может, она объяснит?

Не вздумай, – голосу идея не понравилась, – если что-то происходит на самом деле, то твоя жена замешана по-любому! И, кстати, вспомни другие дома из анонса, не нахо-

дишь их знакомыми?

Я напряг память: вроде все стандартные... хотя... в одном дворе у главного входа стояла статуя большой белой совы, а в соседнем доме на окне – какой-то фиолетовый цветок в горшке. Фига! Я и не ожидал такой внимательности от себя.

А где их видел, помнишь?

А что не помнить, цветок такой (*этот!*) у Виктории. А сова... сова у Евгении.

То есть у новых подружек жены, к которым с поручениями через день бегаешь!

Это еще ничего не значит!

Ага, как и неработающая связь и пропавший корешок твой.

М-да. И что делать?

Главное – не паниковать, – легко сказать, – расслабься, бухло пока уберу. Садись, работай, делай то, что обычно, прикинься ветошью, в нужный момент я помогу.

Наконец казавшийся бесконечным рабочий день закончился. Путь домой я, как всегда, выбрал самый длинный. Помимо стандартных ключевых точек, на карте мигал красный восклицательный знак личного задания.

В целом я принял совет голоса: посмотреть, как будут развиваться события и не отвечивать, правда, еще не решил насчет разговора с Ирой.

Первая остановка – анонс вечерних шоу Синего мира,

вторая – Красного. Ничего интересного. Я медленно шел в толпе, приближаясь к метке личного задания, пропускать которое не хотел из-за хорошего вознаграждения. То тут, то там раздавался смех, вечером настроение людей явно превосходило утреннее. Может потому, что пока обходилось без взрывов?

Вроде тут: стрелка указывала на арку в пятиэтажном жилом доме. Я принял задание и зашел в подворотню.

Меня окутала темнота, пришлось подождать, пока глаза хоть немного привыкнут к отсутствию освещения. Приходилось быть осторожным. После того как я подтвердил задание, у всех проходящих неподалеку людей на браслетах эта зона отметилась как временно недоступная и останется такой, пока я его не выполню или не отменю. Конечно, персональное задание безопасного уровня не могло нести угрозу здоровью, но береженого, как говорится, Управляющие берегут.

Тьма отступала, и я маленькими шажками двинулся вперед, предполагая, что скоро попаду в тупиковый двор. Так и оказалось: пустырь десять на десять метров, с четырех сторон ограниченный стенами домов (в некоторых окнах уже горел свет), а сверху темно-серым прямоугольником вечернего неба. В дальнем углу площадки два контейнера почти в человеческий рост, вся земля вокруг них завалена разным хламом. К характерному для таких мест запаху гниения, сырости и экскрементов примешивался еще какой-то знако-

мый, но неузнаваемый.

Только не в мусорке, только не в мусорке! Я шаг за шагом обследовал двор, стараясь не приближаться к окнам. Любой ребенок знает: в самый неподходящий момент оттуда обязательно кто-то выскочит или вылетит. С каждой минутой поисков надежда таяла. Чего только я не нашел на земле: множество разбитых бутылок, рваный матрас, кухонный нож (который я поднял) и даже огромную старую куклу без глаз (ее я обошел по широкой дуге и старался не выпускать из вида).

Все-таки мусорка! Еще раз покосившись на куклу, я на цыпочках подкрался к контейнеру и ножом подцепил крышку.

Раздался жуткий вой, от которого заложило уши. Крышка с грохотом отлетела, и огромная черная тень выпрыгнула на меня и сбила с ног.

Оглушенный, я упал на живот, лишь чудом не напоровшись на выпавший из руки нож, и замер, прислушиваясь.

В ушах звенело, но казалось, что напавшее на меня существо удаляется. Я перекатился на спину, шаря рукой в поисках ножа, и оцепенел. Чудище забралось на один из балконов четвертого этажа. Благодаря свету из соседнего окна я сумел его рассмотреть: похоже на человека, только все покрытое густой шерстью, очень мощные ноги немного неправильной формы, торчащие уши. Оно обернулось, и я понял, чем воняло в подворотне. Псиной! Мать моя! Оборотень! И

его желтые глаза смотрят прямо в мои.

– Это задание безопасного уровня, это задание безопасного уровня, – будто со стороны я слышал свой дрожащий голос. Возможно, его услышал и оборотень. Он отвернулся, одним гигантским прыжком взлетел на крышу и исчез за парапетом.

Громкий выдох вырвался у меня из груди. Пронесло.

Тем временем, несмотря на недавний шум, ни одно окно в доме не открылось, и это могло означать только... Я посмотрел на браслет: так и есть, задание еще не выполнено! Они издеваются?

Кряхтя и потирая ушибленное плечо, я поднялся на ноги. Нож снова в руке. Еще медленнее подошел к контейнеру и заглянул: темно, только в нос ударил сладковатый запах. Я сделал экран браслета ярче и осветил содержимое. В ту же секунду пришло сообщение, что задание выполнено, а меня вырвало. В контейнере лежал человек, а точнее, его половина: нижнюю часть почти полностью обглодал оборотень.

Глава 3

– В секторе 12-С неизвестные открыли несанкционированный портал. Кто из него появится, пока не ясно. Идет набор в отряд зачистки. Уровень опасности сектора поднят до пятого. Следите за новостями.

Я стоял на третьей ключевой точке и, пользуясь светом экрана, разглядывал свою куртку, штаны и ботинки. Вроде все, что счищалось, счистил, а с запахом справится стиральная машина.

– Срочная новость: в секторе 9-Б найден труп неизвестного, по свидетельствам очевидцев, пострадавший стал жертвой оборотня. Награда за голову зверя двадцать тысяч баллов плюс пять тысяч, если объект будет устранен в течение суток.

Или смерть, если «объект» окажется быстрее и сильнее. Я вспомнил желтые глаза и оскал оборотня и вздрогнул. День выдался насыщенным. Едва пропищал браслет, возвещая о полученных за просмотр баллах, я заспешил домой.

За тобой хвост.

Что?

Хвост, говорю, слезка, еще у той арки приклеился, – нетерпеливо разъяснил голос, – чернявый парень, худой, высокий, пялится на тебя все время.

Что за чёрт? Я сделал вид, что отряхиваю брюки и обер-

нулся: действительно парень, шагах в тридцати от меня. Но как я об этом узнал-то?

Не знаю, как ты, я в отражении его давно спалил!

Я замер посреди тротуара и потер виски. Это уже переходило границы: ладно внутренний голос, но внутренний наблюдатель! Кто-то толкнул меня в спину, одновременно сообщая, что думает о замершем посреди дороги олухе. Пришлось пойти дальше.

Ну и фиг с ним, до автобусной остановки оставалось меньше километра, улицы освещенные, народу много, тут я в безопасности. Есть более важные дела: надо решить, как построить разговор с Ирой так, чтобы побольше из нее вытянуть, и чтобы она не сдала меня в психушку при случае...

На плечо легла рука, я обернулся, уже зная, кого увижу.

– Я слушаю вас... – начал я, но парень перебил.

– Сергей, вы в большой опасности, не верьте никому, особенно жене и Джо.

– Вы о чем? – воскликнул я.

Он наклонился к самому уху и шепотом добавил:

– Новый Завет с вами! – после чего резко развернулся и скрылся в толпе.

Что за фарс?!

Короткий разговор с незнакомцем даже успокоил меня, уж очень он был неестественным. Тем, кто решил все это устроить, стоило выбрать актера получше.

Автобус подошел к остановке одновременно со мной.

В конце концов, что по-настоящему страшного случилось? Видео? Таких можно в определенных программах по сто штук в день делать. Связь не работает – ерунда. Гриша не пришел? Он может быть замешан. Хватит параноить! Я и так по сценарию, возможно, еще вчера должен был поговорить с Ирой, а сценариям, как известно, нужно следовать.

К дому я подошел с твердой уверенностью пообщаться с супругой и все выяснить.

Голос молчал.

Мы готовились ужинать. Софья еще не вернулась. Куриная грудка, громко скворча, распространяла великолепный аромат. Ира, стоя у плиты, периодически переворачивала будущий ужин. Я неосознанно стучал вилкой по столу.

Все шло не по плану. На мои расспросы супруга реагировала снисходительно спокойно, с легким налетом удивления. Это злило. Шутка затянулась.

– Тогда может, скажешь, как дела у Джо? – вопрос сам сорвался с языка, будто кто-то открыл рот за меня.

Реакция жены стала для меня полной неожиданностью: она резко обернулась и швырнула на разделочный стол тарелку с фасолью так, что половина содержимого вылетела. Такого выражения на ее лице я никогда не видел: обычно чуть раскосые глаза сузились до щелочек, губы сжались, ноздри расширились, а желваки ходили туда-сюда. Она шагнула ко мне и, наклонившись, (случайно?) положила руку на

кухонный нож.

– Откуда ты его знаешь? Кто тебе сказал???

Это не был голос женщины, с которой мы прожили больше пятнадцати лет. Я смотрел в ее глаза и отчетливо ощущал, как вдоль позвоночника стекают капельки пота. Мысли скакали в голове, мозг судорожно искал выход.

– Как откуда, – непринужденно (спасибо приобретенным за годы рекламы актерским навыкам) ответил я, – ты ж много раз про него рассказывала, коллега твой бывший.

Ира замерла, смотря куда-то за мою спину, похоже, пытаюсь припомнить, потом выпрямилась и разжала руки.

– А... вот оно что... прости, милый, весь день сегодня по третьему каналу Красного мира про маньяков рассказывали, потом еще ты с твоими анонсами. В голове помутилось, может, устала.

Она виновато улыбнулась, и хоть мне было совсем не весело, я ответил тем же.

– А почему ты вспомнил о Джо?

– Да сам не знаю, малыш, я тоже весь день сам не свой, а Джо... Просто показалось, я его видел сегодня неподалеку.

– Да? Может быть... не знаю. Я с ним давно не общалась.

Ира быстро ликвидировала последствия своей вспышки, и вскоре мы наслаждались аппетитной жареной грудкой и фасолью. Ужинали, смотрели рекламу и болтали ни о чем. Я старался расслабиться, но взгляд несколько раз падал на кухонный нож, а в памяти всплывали пальцы супруги, сжи-

мающие его рукоятку.

Ира загружала посудомоечную машину, когда на кухню зашла Софья. У них завязалась вялая беседа. Не особо вслушиваясь, я просматривал на браслете ближайшие планы. Нашел!

– Малыш, ты просила завтра перед работой к своей новой подруге зайти, как там ее...

– Да? Ах, ну да... Виктория. Спасибо, милый, уже не актуально. Мы закончили наш маленький проектик.

– Правда? Расскажешь теперь, что это было?

– Какой ты нетерпеливый.

Лицо вроде доброжелательное, но от взгляда, которым она уже не первый раз за сегодня меня окинула, мне поплохело.

– Сюрприз! Через недельку все узнаешь!

– Как скажешь! – я поднялся и потянулся. – Пойду, подышу свежим воздухом пару минут.

Стараясь вести себя непринужденно, я прошел в прихожую. Свежий воздух, конечно, хорошо, но главной целью был подвал.

Все больше деталей указывало на то, что моя жена в курсе того, что происходит. За ужином, ковыряя вилкой румяную грудку, я лихорадочно искал выход. Мысли порой заворачивали в такие дебри, что казалось, будто они вовсе и не в моей голове родились. После короткого мозгового штурма я решил обыскать дом и начать с заднего двора и подвала.

Больно часто супруга пропадала где-то там.

Дверь, еще не запертая на ночь, тихо открылась, и я вышел на улицу. Непредсказуемая ноябрьская погода вновь выкинула фокус: небо расчистилось, и на него высыпали многочисленные звезды. Вспомнилось, как в первые годы брака, после того как Софья засыпала, мы с Ирой часто выходили во двор, выключали освещающий лужайку фонарь, ложились в гамак и подолгу на них смотрели.

Я любил свою жену и планировал сделать все, чтобы ей помочь, в какую бы передрыгу она ни влипла.

Пришлось обойти дом по большому кругу, чтобы не пройти мимо окна кухни. Тут было почти темно, свет от фонаря еле добивал. М-да, осмотр двора придется отложить на другой раз, зато в подвале можно зажечь лампу.

Вот и вход. Лестница уходила во тьму. Передо мной висел светильник, но включать его я побоялся: супруга могла увидеть через окно. Придерживаясь рукой за стенку, я медленно нащупывая каждую из ступенек, стал спускаться. В тишине раздавался лишь скрип досок и мое дыхание.

Привыкшие к темноте глаза уже различали очертания двери, когда проем, через который только что светили звезды, заслонила чья-то тень.

– Ты куда, милый? – спросила Ира.

Загорелась лампа, я зажмурился.

– И почему в темноте?

– Да хотел дрель найти, коллега просил, – выдал я заранее

приготовленную на крайний случай ложь. Глаза слезились. Яркий шар затмевал все вокруг.

– А про свет... забыл.

– Бедненький, – я услышал шаги, супруга спускалась. – Попросил бы меня, тем более, что в холодильнике кончился горох, и я все равно в подвал собиралась.

Беги! – отчетливо раздалось в голове. Спорить было бессмысленно, но и послушаться я не мог, хотя бы потому, что единственный путь отступления был перекрыт. Ира остановилась на ступеньку выше, и я почувствовал ее дыхание.

– Переутомился ты у меня сегодня, – она коснулась губами моей щеки, – надо больше отдыхать, иди в кроватку, а я скоро присоединюсь и сниму все твои стрессы.

Ее рука прошла по моему животу и спустилась ниже.

Я выдохнул и осознал, что действительно очень хочу лечь, закрыть глаза и забыть этот день. Будь что будет, не убьет же она меня, в конце концов. Моя ладонь легла на щеку супруги, а губы коснулись губ.

– Да, малыш, буду тебя ждать!

Стационарная камера № 145061 продолжает запись.

Место действия: дом семьи Фроловых.

Мужчина и женщина в постели, он лежит на ней, его лица не видно. Женщина стонет, смотрит в окно и улыбается.

Камера поворачивается к окну.

Изменение режима: запись для кабельного канала

включена.

В объектив попадает еще один мужчина, он стоит у дома и смотрит в глаза женщине. Датчики фиксируют одновременно гнев и возбуждение. В руке мужчина сжимает пистолет.

Я стою на коленях над изувеченным женским телом и плачу. Плачу оттого, что только что лишился смысла жизни, потерял свою любовь. Я сжимаю ладонями щеки женщины, немного приподнимаю ее голову, наши лбы соприкасаются. Слезы каплют ей на лицо. Это моя жена, но это не Ира... Я осознаю огромную глубину своих чувств к умершей, но вижу ее впервые...

В уши ворвался грохот включившегося потолка. Я не стал откладывать неизбежное и улыбнулся в камеру. Два балла. Странно, что не один. Всю ночь мне снилась какая-то дичь, но сон про мертвую женщину до сих пор стоял перед глазами. Я вскочил с кровати и приступил к зарядке. Подсознание подсказывало все новые упражнения, и тело, пусть и с трудом, справлялось.

Пока Ира дома, о том, чтобы тайно пробраться куда-либо, можно забыть. Повезло, что я еще несколько дней назад случайно увидел на экране ее браслета запланированную сегодня на 15:00 встречу с Александром, парикмахером. Как минимум два часа дома будет только дочь, которая вряд ли выйдет из своей комнаты. Лучшего времени для обследо-

ния (*обыска*) не найти.

На утро тоже имелся план. Вчера Ира отменила мой визит к Виктории, очевидно, что на ее решение повлияли расспросы за ужином. Меня же теперь очень интересовала неизвестная часть жизни супруги, в том числе, придет ли кто-то другой к Виктории сегодня.

Реклама стихла, но я выкроил еще несколько минут, чтобы закончить упражнения. Затем быстрые утренние процедуры (пять очков), и я вошел на кухню. Все как обычно: Ира хлопочет у плиты, а недовольная Софья за столом что-то лениво ковыряет в тарелке.

– Всем привет! – я чмокнул в щеку обернувшуюся жену и подсел к дочери. Она уже бросила не вдохновивший ее завтрак и интенсивно с кем-то переписывалась.

– Подружка или друг? – спросил я.

– Тебе-то что? – сначала она даже не подняла головы, лишь отклонила экран браслета так, чтобы я ничего не увидел, но затем носик ее вздернулся, и, глядя мне в глаза, она резко спросила:

– А если это мой друг старшеклассник – гонщик и хулиган, ниже третьего уровня не опускающийся? Ты запретишь мне с ним общаться?

– Софья! – строго посмотрела на нее Ира.

– Что Софья!? – сегодня дочь не собиралась избегать конфликта, ее щеки покраснели.

– Софья! Мы с папой желаем тебе только добра...

– Да хватит уже! – ее глаза, засверкали от гнева. – Неужели вы не понимаете, что позорите меня!? Все смеются...

– Они не твои родители и не отвечают за тебя, – не удержался я и тут же пожалел, увидев, что теперь глаза Софьи наполняются слезами. – Мы просто хотим...

– А меня вы спросили? Чего я хочу?

Она вскочила и вцепилась руками в стол, переводя взгляд с Иры на меня и обратно и из последних сил сдерживаясь, чтобы не заплакать. Она знала ответ на этот вопрос и, не давая нам возможности в очередной раз его озвучить, немного сменила тему:

– А вы сами? Над вами же тоже все смеются! Хоть бы раз...

– Наша с папой жизнь никого не касается, – твердо обрвала Ира. Ее лицо стало жестким. Но Софью уже было не остановить.

– Хоть бы раз мусор мимо урны кинули! – она уже не сдерживала слез. – Вон Мэйсон месяц живет на районе, тоже немолодой, а все только и говорят, какой он крутой... и с вами, «улыбальщиками», сравнивают.

– Дочь, – я протянул к ней руку, но она откинула ее и, резко развернувшись, убежала из кухни.

Мы переглянулись с Иррой.

– Переходный возраст, – будто мантру повторила она.

Тарелка с яичницей появилась на столе.

– Осторожно, горячо.

Я взял вилку и, должно быть, впервые за последние лет десять, забыв прорекламирывать производителя, принялся за еду.

Да, я один из тех, кого люди, предпочитающие активную жизнь и риск, называют презрительным словом – улыбальщик. И пусть! Улыбаясь в камеры, я уже дожил до тридцати пяти, на три года превысив среднюю продолжительность жизни людей в ММУ.

Ира села напротив и, видя мое настроение, беседами не докучала.

Экран выдал четыре подходящих маршрута. Супруга ожидаемо вызвалась проводить меня.

– Времени с большим запасом, пойду длинным, – сказал я и загрузил данные.

Не самый удобный путь для моих целей, но объяснить иной выбор жене я бы не смог. Конечно, прямо к дому Виктории едет автобус, но он отходит от другой остановки, и, стоит мне пойти к ней, Ира сразу что-то заподозрит. В том, что она будет стоять на крыльце и следить за мной, я не сомневался.

– До вечера!

– До вечера!

Улыбка, поцелуй. По пути к воротам я физически ощущал взгляд на затылке.

Браслет запищал, сообщая о выходе за границу безопасной зоны. До дома Виктории оставалось чуть больше километра, я еще раз сверился с картой и свернул в арку. Сразу задрожали колени и меня потянуло назад.

Не в этот раз! Да тут и запросто может быть безопасная зона. Подбадривая себя я вошел в незнакомый двор.

Со всех сторон высились серые стены пяти-, шестиэтажных зданий Нижнего города. Ничего необычного: кое-где валяется мусор, окна нижних этажей закрыты решетками, натянуты несколько веревок, на которых сушится одежда. Быстрым шагом я направился к противоположной стене, где тоже виднелась арка. Вдалеке прозвучал выстрел – я вздрогнул, буквально одним скачком преодолел последние метры и спрятался в подворотне, оглядываясь по сторонам. Это далеко! Спустя минуту (столько потребовалось сердцу, чтобы начать биться в нормальном ритме), я продолжил путь.

Зачем я сюда пошел? Раз за разом проносилось в голове, пока один серый пустырь сменял другой, а его следующий. Что я хочу такого увидеть у Виктории, обычной среднестатистической домохозяйки? Как она может пролить свет на ситуацию с анонсом? Да никак! Я просто занимаюсь ерундой и при этом рискую жизнью.

А ты не считаешь странным, – вмешался голос, – что Виктория, как и большинство подружек, с которыми сейчас активно общается твоя жена, появились в ее жизни совсем недавно?

И что с того?

Я посмотрел на карту и к своему удивлению обнаружил, что прошел уже половину пути. Может, пронесет?

Выход из очередной подворотни. Снова пустырь, чуть больше предыдущих и, кажется, чуть более замусоренный.

Я успел сделать с десяток шагов, когда услышал сверху хлопающие звуки, похожие на те, что издает на ветру простыня, сохнущая во дворе. Тут же раздался оглушительный крик, переходящий в визг. Я присел, закрыв уши ладонями. Что-то тяжелое ударило в плечо, бросив меня на землю. Визг стал тише, я вскочил и вскинул голову. Нечто огромное, с крыльями, разворачивалось для повторной атаки. Существо черного цвета походило на птеродактиля, только с клювом и с перьями.

Что-то теплое потекло по руке. Чёрт! Из глубокой царапины на плече лилась кровь и, пропитав практически весь рукав рубахи, стекала с пальцев. Визг снова резанул барабанные перепонки, и птица спикировала. Едва успев вскочить на ноги, я оттолкнулся и прыгнул в сторону. Вышло корявенько, но повезло. Лишь немного зацепив меня краем крыла, существо взмыло ввысь.

Оно защищает гнездо, – пришел на помощь голос, – вон, над аркой, откуда ты вышел, отходи от него!

Действительно, на четвертом этаже один из балконов с помощью подручных, вернее, подлапных средств птица переоборудовала в гнездо, и мое присутствие поблизости явно

напрягало молодую мамашку (или папашку).

Я бросился к противоположной стене. Птеродактиль кружил надо мной, но, должно быть, понял мои намерения и не нападал. Запыхавшись, я вбежал в арку и еще раз обернулся. Существо успокоилось и, уменьшая круги, спускалось к балкону. Около минуты ушло на то, чтобы дрожащими руками достать аптечку и выбрать в меню характер повреждения. Еще столько же на обработку и заживление. И не меньше пяти, чтобы заставить себя двигаться дальше.

Теперь, прежде чем сделать шаг, я внимательно осматривал каждый закуток и неизвестный предмет. Предосторожности оказались излишними – оставшаяся часть пути прошла без происшествий.

Идеальное место! Первый этаж заброшенного магазина, хозяева которого не стали заморачиваться закрытием дверей или, что вероятнее, их уже взломали. Дом Виктории в двадцати метрах. Можно ждать тут. Найденный внутри стул я поставил под окном – получился неплохой наблюдательный пункт. Руки замерзли, пришлось спрятать их в карманах куртки. Минут пятнадцать-двадцать в запасе есть.

Через пятнадцать минут пришла неприятная мысль: а с чего я решил, что если и есть посланник, то он придет именно в это время? Почему не раньше или не позже? Вчера перед сном эта мысль казалась очевидной, сейчас же – полной чушью. Устраивать засаду на двадцать минут! Надо же доду-

маться! Я теребил рукав окровавленной рубашки, механически разглядывая редких прохожих и проезжающие электро-мобили.

Ты можешь посидеть тут подольше – час, другой. Напиши на работу, что опоздаешь. Чёрт с ним, со штрафом, за битву с птицей больше дали.

Битву, хе-хе, но факт, что сто тридцать очков упало на счет сразу после инцидента. Плюс бонус за ранение. Кстати, надо не забыть сменить рубашку.

– Ладно, – пробормотал я и потянулся, – часик посижу.

Но часик не понадобился. Не прошло и десяти минут, как к воротам непринужденной походкой подошел мужчина. Создалось ощущение, что он шел мимо, но в последний момент, что-то вспомнив, остановился. Но мне даже отсюда показалось, что мужчина очень уж акцентирует внимание на случайности своего появления. Он позвонил и снял очки. Ба! Так это же районный полицейский Полозьев. Вот только это не наш район! Эх, жаль не могу подойти ближе!

Вскоре появилась Виктория, и она не была удивлена. Они перекинулись парой слов, затем Полозьев что-то достал из-за пазухи и передал женщине. Предмет блеснул на солнце. Так и есть! Точно такая же глянцевая серебряная коробочка, что в прошлый раз приносил я. Полицейский пришел вместо меня, и его прислала моя жена!

В этот момент мне очень захотелось ускорить переход в Синий мир.

Глава 4

До обеда я практически не работал, то и дело поглядывая на часы. Окровавленную после встречи с птеродактилем рубашку я сменил еще до прихода в офис. Рука уже не болела.

Как только прозвучал сигнал на обед, я, предупредив, что задержусь, покинул офис и рванул домой. Из происшествий запомнился только обогнавший меня на огромной скорости мотоцикл на воздушной подушке. За спиной водителя, обхватив его руками за талию, сидела девушка в черном шлеме, черной куртке и короткой не по погоде красной юбке, задиравшейся от ветра. Молодежь ехала развлекаться.

На ключевые точки я время не тратил и уже в 14:10 подходил к дому. Проверил дверь – заперто. Отлично! Софья еще не вернулась. Прошел на задний двор – тележка с зелеными ручками стояла прислоненная к углу дома точно так, как в анонсе Управляющих.

Быстрым шагом я направился к входу в подвал.

– Привет, Серега! – раздался громкий голос сзади.

Кто там еще? Я обернулся: за невысоким забором на своем участке стоял Мэйсон, он улыбался и махал мне рукой.

– Привет, Мэйсон (чтоб ты провалился), как поживаешь?

Вопрос вырвался механически, я мгновенно понял свою ошибку. Сосед будто того и ждал и начал много и подробно рассказывать о том, как у него дела сейчас, как были до пе-

реезда и как, он надеется, будут после. Все мои попытки перебить игнорировались, все намеки на отсутствие времени не понимались. Минут через десять я плюнул на приличия и, сославшись на то, что мне нужно срочно возвращаться на работу, а перед этим заскочить в подвал за дрелью, отвернулся от назойливого соседа.

– О, что ты сразу не сказал! – оживился еще больше Мэйсон. – Твоя жена рассказывала, что у вас там и холодильник, и мастерская, и еще что-то! Говорила, ты покажешь, как будет время. А со мной не пошла, хе-хе. Переживала, что б ты чего не подумал. Так что погоди, я через минутку подойду.

Я обескуражено стоял и силился придумать хоть что-то. О том, чтобы идти вдвоем, речи быть не могло. Тем временем Мэйсон зашел на задний двор.

– Ну что, спускаемся?

Звук электродвигателя, давно маячащий на грани восприятия, усилился, и его источник заехал в наш двор. Мотор замолчал, наступила тишина. Это еще что? Мэйсон и подвал отодвинулись на второй план, я пошел ко входу в дом и, повернув за угол, обомлел. На крыльце, прижавшись к двери, целовались те самые молодые люди, недавно обогнавшие меня на дороге. Парень запустил руку девушке под юбку и активно мямл попку.

– Софья! – вырвалось у меня, нечто больше похожее на писк, чем на окрик, когда в девушке без шлема я узнал свою дочь. Парень испуганно отскочил. Софья же судорожно по-

правляла одежду.

– Ты почему не на работе? – перешла в наступление она, но я уже взял себя в руки.

– Быстро в дом, после поговорим, а ты – я обернулся к молодому человеку – выметайся с моей лужайки. Быстро!

Он хотел возразить, но понимая, что закон не на его стороне, попятился и сел на мотоцикл. Через мгновение двигатель взревел, и парень уехал.

– Папа!

– В свою комнату! Жди меня!

Ее подбородок задрожал, она постояла еще несколько секунд, потом развернулась и вбежала в дом.

– Я так понимаю, визит в подвал откладывается? – Мэйсон все еще стоял позади меня.

– Да... извини, что так вышло.

– Ничего, я пойду, – он направился к калитке, – ты это, не жести там особо.

Я несколько секунд смотрел ему в спину, а затем с ощущением, будто на плечах лежит тяжелый мешок, поднялся на крыльцо.

Дверь в комнату дочери была заперта.

– Софья, открой! – я дернул ручку.

– Уходи!

– Софья, или ты откроешь дверь, или до конца года будешь лишена всех карманных баллов, игр и каникулы про-

ведешь в летней школе. Открой немедленно!

Когда я уже снова занес кулак для стука, за дверью послышались шаги. Замок щелкнул. Я перевел дыхание и вошел. Софья лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку. В комнате царил полумрак, скудного света с улицы едва хватало.

Давненько я не заглядывал сюда, год уж точно. Девочек, чьи плакаты раньше украшали стены, за редким исключением сменили brutального вида парни с короткими стрижками и татуировками. Цветовая гамма комнаты значительно потемнела, и куда-то пропали почти все мягкие игрушки. Гнев быстро замещала растерянность. Я осторожно присел на кровать и положил руку на плечо дочери.

– Софья...

– Отстань! – она дернула плечом.

– Софья, послушай...

– Отстань от меня! – закричала она и резко обернулась. Ее лицо было в темных разводах туши потекшей от слез. – Что ты хочешь сказать?! Что я еще маленькая?! Что мне рано?! Что мне надо ходить в школу и улыбаться в идиотские камеры?! Я это слышала сто раз, не помогло, не видишь?! Я не хочу быть такой, как ты! Такой, как мама!

Она снова бросилась на подушку и уже в голос разрыдалась. А я сидел и смотрел в окно на почти голые деревья и возвышающиеся вдаль на фоне серого неба зеленые небоскребы. Много слов вертелось в голове, но, как только что

правильно заметила Софья, все они уже были сказаны. Тоска сжала сердце, и пришло осознание: или сейчас я нормально объясняюсь с дочерью, причем, не используя стандартные доводы, или потеряю ее навсегда.

– Я все понимаю дочь, все понимаю, – я осторожно поправил ее задравшуюся юбку, – прости меня, я был неправ.

Для начала вроде неплохо: рыдания постепенно стихли, но Софья по-прежнему не поднимала головы, должно быть, ждала продолжения. Слова с трудом строились во фразы, а еще сложнее было выпихнуть их сквозь ком в горле.

– Мы с мамой переборщили, пытаюсь защитить тебя... Теперь это очевидно, – я осторожно погладил ее по голове. Она не шелохнулась. – Ты же знаешь, у меня есть только ты и она, но ничего на свете не стоит того, чтобы испортить отношения с любимым человеком до такой степени, как это сделал я... Кроме, возможно, одного – его жизни.

– А возможно, и нет, папа! – Софья обернулась, и ярость блеснула в карих, как у матери, глазах. – Возможно, стоит узнать, чего хочет сам человек? Да и неплохо самого человека для начала узнать, а не думать, как вы всегда, что я только вчера пошла в первый класс.

Да, эта орущая на меня молодая девушка действительно мало походила на ту маленькую тихую Софью. Гораздо больше она напоминала молодую Иру в минуты наших ссор. Переведа дух, она продолжила:

– В конце концов, чего вы нагнетаете? Меня по возрасту

не пустят на четвертый или пятый уровень... Лучше бы за собой следили... Вы... Вы...

Она замолчала и вновь рухнула лицом на уже черную от косметики подушку. Я ее понял. Так обычно начиналась вторая часть претензий о том, что мы сами не используем даже первый уровень опасности. И так как это объяснить еще сложнее, да никто особо и не пытался, Софья совершенно логично считает, что мы делаем это из-за трусости.

– Мама тут ни при чем, доча, – начал я, хотя не испытывал никакой уверенности, что не пожалею о результате. – Это я уже очень давно взял с нее слово, что она никогда не будет понапрасну рисковать своей или твоей жизнью.

– Да никто не говорит про серьезный риск, – ее голос звучал приглушенно, но все так же резко. – Давай не будем снова о ваших погибших родственниках и тому подобном, я ж не дурочка и понимаю, что не могли они все погибнуть на первых трех уровнях.

Я дернулся, когда услышал это злое «ваших родственников», но удержался от того, чтобы поправить на «наших» – девочка никогда их не видела. В тех семьях, где старшему поколению посчастливилось выжить и жить вместе со своими детьми в одном мире, скорее всего, таких проблем не возникало.

В комнате было тихо, только за окном приглушенно завывал ветер и иногда слышался гул проезжающих мимо машин. От сидения вполоборота моя поясница и ноги начали

затекать, и я осторожно пересел спиной к окну.

Только Ира знала историю Никитки. Я думал рассказать ее Валере в ответ на его откровение, но не смог. Так же, как до сих пор не мог найти момент и поделиться ею с Софьей.

Вряд ли представится более подходящий случай.

Я глубоко вдохнул и решился.

– Ты же помнишь, что у меня был брат, Никита...

– Никит, иди сюда! – я выхожу за ворота участка и зову брата. Никита меня слушается, ведь я на год старше. Он ментально теряет интерес к предмету, который они с двумя друзьями разглядывали в траве, и прибегает.

– Да, Сережа, куда пойдём?

Я подмигиваю ему и отвожу в сторону.

– Что видишь? – показываю браслет.

– Ого, третий уровень! Как тебе удалось?

– Подглядел у отца код доступа! – я очень доволен собой и наслаждаюсь восхищением брата.

– Ура!!! Теперь за неделю на те автоматы накопим! – он едва не подпрыгивает от нетерпения. – Пойдем прямо сейчас?

Я оглядываюсь на дом. Сегодня суббота: отец собирается весь день смотреть футбол, а у матери день уборки. Часа три точно есть.

– Пошли, только держись за мной, – я подтверждаю выбор маршрута.

Стоит теплая июньская погода. Небо насыщенного голу-

бого цвета. Стальные громадины небоскребов вздымаются в отдалении (в том мире, Софушка, мы тоже жили в частном секторе, как и сейчас). И мы, переполненные гордостью и страхом, трогаемся в путь.

Всю дорогу до Нижнего города я стараюсь убедить Никиту вести себя тише, не привлекать внимания: в автобусе могут оказаться знакомые родителей или просто ответственные взрослые, которые, если прознают о наших планах, могут помешать.

Солнце печет, и Нижний город встречает нас жаром раскаленного асфальта. Мы стараемся держаться в тени деревьев и невысоких домов.

Когда заходим в зону первого уровня, наши коленки трясутся, и мы замираем от каждого шороха. Через пятнадцать минут, во второй зоне, мы чувствуем себя непобедимыми исследователями космоса, героическими покорителями неизведанных миров. Страх давно прошел, отличий от безопасной зоны мы не замечаем, а баллы все быстрее падают на наш счет. Жарко. Мы сняли футболки и сделали из них повязки на голову.

– Смотри, – я показываю Никитке свой браслет, – за полчаса, пока мы тут, я получил столько же, сколько за два месяца дурацкой рекламы! И ты тоже!

– Здорово! – отзывается он, но я вижу: брат разочарован, и ему скучно. Я беру его за руку, и мы по десятому разу мечтаем о том, как на заднем дворе будем стрелять по пустым

бутылкам из новых автоматов.

– Как ты думаешь, я попаду с десяти метров в бутылку из-под колы? – дергает меня за рукав брат.

– Конечно, попадешь, – я улыбаюсь ему.

– А с пятнадцати?

– И с пятнадцати.

– А в зажигалку?

– А вот в зажигалку только я смогу попасть, – я смеюсь и треплю его по голове. Мы давно идем по третьей зоне.

Перекресток. Тот самый перекресток, каждую деталь которого я знаю наизусть, ведь он постоянно появляется в моих снах. Две двухполосные дороги. Четыре светофора горят красным для пешеходов. Нас окружают пятиэтажные дома, во многих выбиты окна. На противоположной стороне – здание коммерческого банка (в банках в небезопасных секторах больше процент по вкладам и меньше по кредитам).

Мы стоим и пропускаем редкие машины.

И тут...

Дверь банка распаивается, и на пороге появляется высокий мужчина. Он одет в синий спортивный костюм, на лице скалящаяся белая маска, в одной руке пистолет, в другой черный целлофановый пакет. Он на секунду замирает, оглядывается и вот уже бежит по улице, быстро удаляясь. Мимо нас пролетает полицейская машина. Визг тормозов. Мужчина оборачивается и несколько раз стреляет. Я, как учили в школе, замираю и не отрываю глаз от погони.

Внезапно чувствую, как брат тянет меня за руку, а рядом начинает кричать женщина. Я поворачиваюсь и вижу, что Никитка встал на колени и заваливается набок, только ладонь, которую я крепко держу, не дает ему упасть. Я кричу и разжимаю руку. Он оседает. Пуля попала ему под левый глаз, из отверстия течет лишь тонкая струйка крови, а вот заднюю часть черепа снесло практически полностью.

Темнота.

Я оторвал взгляд от рукава, который теребил во время рассказа, и посмотрел на дочь: она лежала на спине, широко раскрыв глаза, и внимательно слушала.

– Много лет мои родители просыпались от того, что каждую ночь я кричал во сне, когда снова и снова видел лицо лежащего в гробу Никитки с замазанной дыркой от пули под левым глазом. Отец начал выпивать и все чаще ходить по городу на пятом уровне. Надо думать, пытался заработать мне баллов на обучение, развлечения и все остальное, лишь бы я не рисковал сам. И надо заметить, у него получилось... Когда мне было шестнадцать, и мы уже переехали в Зеленый мир, отец погиб.

Как бы то ни было, наследства мне хватило, чтобы купить новый дом и поддерживать маму, у которой к тому времени уже помутилось в голове. Она умерла через два года после отца.

Маленькая девичья ладошка легла на мое плечо. Софья

привстала и посмотрела мне в глаза.

– Понимаешь, Софушка... Все бы ничего, время кое-как, но лечит.

Перед глазами плыло, сердце отчаянно билось в груди одновременно и от облегчения, и от вновь пережитого ужаса.

– Но все эти события оставили след внутри... Я ничего не мог сделать с собой... Я выходил из безопасных зон только в самых крайних случаях... А когда дело касается мамы или тем более тебя... меня всего начинает трясти... Сразу вспоминаю брата и тот проклятый третий уровень.

– Почему ты раньше не рассказывал? – теперь Софья сидела на кровати и внимательно, будто в первый раз, разглядывала мое лицо.

Действительно, почему? Для себя я отвечал на этот вопрос всегда одинаково: слишком рано – пока Софья была маленькой; неподходящее время – после того, как она выросла. А на самом деле? На самом деле потому, что всегда считал себя единственным виновником произошедшего в тот день и всего того, что произошло после. Как все это объяснить?

– Ты не виноват, – словно прочитав мои мысли, шепотом сказала Софья, – не ты придумал этот мир.

Не я. Он был таким двести лет, со дня Последней войны, и таким останется в будущем.

– Не я придумал, но для себя выбрал такой путь, – я коснулся ее щеки и попробовал улыбнуться, – прости, что и для тебя тоже.

– Ну теперь-то все в прошлом? Я вижу, ты все осознал, раскаялся, и теперь я могу после школы с ребятами бегать по третьим квестам?

Она неловко засмеялась, увидев мое ошарашенное лицо.

– Шучу, шучу, прости.

– Можешь начать с первых.

– Но первые с двенадцати лет! Они скучные...

– Вторые только с экипировкой и в группе. Пока тебе не исполнится пятнадцать, о третьих даже не упоминай при мне и маме.

Ее глаза засияли, в этот раз от радости.

– Спасибо, папочка!

Она обняла меня и поцеловала в щеку. Теперь и я буду в черной туши.

– Да, и еще папа, раз зашла речь...

В этом вся Софья, даже не знаю, откуда это у нее. Если чувствует, что гнется – гнет. Я вопросительно поднял бровь, давая понять, что легко не сдамся.

– Завтра пятница, все собираются на день рождения Маргариты, можно... я останусь у нее на ночь?

– Нет, – не задумываясь, воскликнул я и тут же пожалел о чрезмерной резкости, – не позже одиннадцати домой.

По лицу дочери я понял: это больше, чем она рассчитывала из меня выжать.

– Спасибо!

– И смотри, чтобы этот дылда свои руки не распускал!

Лицо Софьи залилось румянцем, и она спрятала его на моем плече. Дверь в комнату приоткрылась, и показалась голова Иры.

– Ух ты, – сказала она и исчезла.

Когда я спустился вниз, на кухне уже шел творческий процесс.

– Я раньше не замечал, что ты проводишь столько времени за плитой.

– Ты раньше не бывал в это время дома, – шутливо сказала она. После визита к парикмахеру ее черные волосы стали гораздо короче.

– Ах да, и мне пора возвращаться в офис, – я посмотрел на часы, – заскочил за дрелью, вчера ж ты так и не вынесла.

– Взял?

– Если бы, потом расскажу. Побежал!

– Давай!

Стационарная камера № 31270 продолжает запись.

Место действия: жилая комната на втором этаже в доме семьи Фроловых.

Девушка встает с кровати. Она подходит к шкафу, открывает секретную панель и достает оттуда толстую тетрадь. «Мой дневник», – написано на обложке. Девушка отодвигает стул и садится за письменный стол. Дневник раскрыт. Ручка дрожит в пальцах. Проходит две минуты.

«Сегодня говорила с Сергеем», – пишет девушка. Задумывается. Переворачивает ручку, стирает «Сергеем», пишет: «папой». Продолжает: «Почему? Почему он не рассказал мне раньше?».

Девушка откидывается на стуле и смотрит в потолок. Проходит две минуты.

«Папа в юности потерял брата, и это сломало его. Он чувствует вину. Теперь опекает меня, видимо, желает как-то искупить случившееся с братом. Я стала больше понимать его».

Девушка снова смотрит в потолок. Проходит три минуты.

«Он видел, как Денис лапал меня за задницу. Кошмар! Правда, не ругал. Пока. Он неплохой мужик, просто сломанный». – Задумывается. Стирает «сломанный», пишет: «сломленный». «Буду чаще общаться с ним. Нужно объяснить, что я осторожна. И пусть не в третьем, но во втором уровне ничего страшного уж точно нет».

Девушка читает дневник, закрывает, встает и идет к шкафу. Останавливается. Возвращается. Садится, открывает.

«Ах да. Чуть не забыла! В субботу днем родителей Дениса не будет дома. Я согласилась попробовать кое-что из второго уровня сексуальной шкалы. Очень волнуюсь.

Пы.сы. Интересно, что мама сегодня утром так долго обсуждала с красавчиком Мэйсоном?»

На восточном месторождении произошла крупная ава-

рия. Столько красных жирных трясущихся физиономий руководителей, сколько сегодня, я не видел уже давно. Весь день на различных уровнях решали, стоит ли приступать к срочному ремонту или спокойно ждать. Сашка недавно сказал: «В первые после Конца Цикла годы газ будет не особо нужен». Так же думало большинство. Ажиотаж постепенно спал, но мне все равно пришлось задержаться, чтобы оформлять и исправлять бесконечные отчеты.

Домой я вернулся к полуночи. Софья уже спала, а Ира лежала на диване и смотрела ток-шоу из Красного мира про отношения между заложниками и террористами в захваченном торговом центре. Я помылся и, не включая свет, юркнул в постель. Шрам после дневной атаки птицы хоть и был небольшим, но ненужные вопросы мог вызвать.

План на завтра уже созрел.

Глава 5

Я снова стою на коленях, и передо мной женское тело (любимая!). Я плачу. В руках держу пистолет и с удивлением его рассматриваю, не понимая, откуда он взялся. Мы находимся в кругу красного света, конусом падающего сверху. За кругом темнота, но видно какое-то шевеление, будто фигура, сотканная из еще более плотного мрака, находится там.

– Это твоя вина, Роберт! – голос тени очень, очень знакомый. – Твой выбор! А ведь мы могли изменить мир!

– Не-е-е-т!!! – я кричу, вскидываю пистолет и выпускаю всю обойму в сторону тени, даже когда магазин пустеет, продолжая дергать спусковой крючок.

– Твоя вина!

В 10:15 я вышел из офиса через запасной выход. На мне была шляпа с широкими полями, большие очки и длинное пальто коричневого цвета с высоким воротником. Все обмундирование полчаса назад доставил курьер. Также он привез двадцатикратный бинокль.

Еще через полчаса я выезжал со станции проката на видавшем лучшую жизнь маленьком электрическом Форде, аренда которого на три часа стоила мне недельного дохода. Почти не участвуя в процессе управления, я ехал в сторону

дома и задумчиво разглядывал утренний город.

За тридцать лет из развалин Золотого мира возник зеленый исполин.

Руины стали величественными небоскребами, обломки – гигантскими супермаркетами и мастерскими, пыль – прекрасными парками, вместо искореженных осколков возникли многоуровневые дороги с множеством машин.

Конечно, быстрому развитию способствовало и то, что не пришлось восстанавливать производственные комплексы и фермы, не тронутые катаклизмами предыдущего Конца Цикла. Да и системы автоматизированной добычи ископаемых за пределами купола, возможно, сохранились еще с первого из миров, основанного на этом месте.

Кстати, когда это было? Не меньше ста двадцати лет назад, а то и всех ста пятидесяти!

Все-таки люди, выжившие в Последней войне и основавшие Изначальный мир, – гении!

Что они имели?

Продвинутые технологии, много ресурсов, маленькую территорию, окруженную агрессивной внешней средой.

Какая задача перед ними стояла?

Обеспечение стабильного роста популяции, недопущение интеллектуального и морального разложения общества из-за переизбытка ресурсов и отсутствия работы.

Решение?

Система МультиМирового устройства (до построения

третьего купола – ДвухМирового), знакомство с которой любой гражданин трех миров начинал еще в младшей школе.

Схема ММУ, без сомнения, стала идеальным решением и единственным выходом из ситуации, в которую попали первые поколения жителей «Изначального купола». Теперь в мирах много хлеба, очень много зрелищ, есть куда приложить энергию активистам, которые в старом мире сошли бы с ума или стали бы преступниками. Наукой и технологиями, судя по последним достижениям, тоже есть кому заниматься. В целом, все довольны.

Машина остановилась на пешеходном переходе. Группа людей, явно выполняющая какое-то задание, активно жестикулируя, прошла мимо. Чуть в отдалении пролетел вертолет скорой помощи и скрылся за домами – город жил обычной жизнью. Загорелся зеленый свет, и моя поездка продолжилась.

Надвигающийся Конец Цикла станет четвертым при моей жизни, но все равно трудно осознавать, что через три месяца этот мир превратится в руины. Конечно, после непродолжительной очистки на его развалинах начнет строиться новый, если верить Сашке, Белый город, и когда-нибудь он станет таким же красивым и величественным, но масштабность предстоящих событий все равно поражала...

Машина повернула, и я огляделся: ох, уже моя улица!

Свободное место для парковки нашлось в пятидесяти метрах от дома. Двигатель замолчал, а я затаился, вжавшись

в спинку кресла.

Начиналось самое интересное. В бинокль отчетливо просматривался дом и окрестности. В окне мелькнул силуэт Иры. Хорошо. Теперь надо дождаться, пока она уйдет и прихватит с собой всех соседей, полицейских и кто там еще собирается мне помешать влезть наконец в этот чёртов подвал. Я отпросился с работы на весь день и планировал получить все ответы именно сегодня.

Понадобилось около двух часов. К воротам нашего дома подъехал электромобиль, и не зачуханный старый Форд вроде моего, а новенький Мерседес, прямо как в анонсе. Я сглотнул и сжал бинокль так, что побелела кожа на костяшках пальцев. Нельзя пропустить ни единой мелочи!

Ира появилась через пять минут в коротком красном платье, подчеркивающем фигуру, красных туфлях на высоком каблуке и накинутом на плечи черном длинном пальто. Все это стоило моей годовой зарплаты. Из машины вышел высокий мужчина в серых брюках и белой рубашке и открыл моей супруге дверь. Мэйсон! Неслучайно вчера мне зубы заговаривал. А в человеке за рулем, хоть солнце и бликовало на лобовом стекле, я признал участкового Полозьева. Вся компашка в сборе.

Мерседес тронулся, пришлось сползти под руль, чтобы меня не заметили. Подождав еще пару минут для верности, я подъехал к воротам. Огляделся. Улица пуста.

Не закрывай дверь.

Разумно.

Я бросился на задний двор и, не теряя времени на его осмотр, побежал вниз по ступенькам в подвал, на ходу доставая ключ. Он не подошел. На мгновение я растерялся.

Ломай! – это уже был не голос, а какой-то внутренний позыв. Показалось, что на долю секунды я даже потерял контроль над телом и против своей воли повернулся к двери. – *Быстрее!*

Я ткнул преграду плечом, она пошевелилась: сменили только замок, сама дверь старая. Отклонился и ударил сильнее, дверь заметно пошатнулась, но устояла. Плечо пронзила острая боль.

Ударь ногой в район замка!

Я поднялся на несколько ступенек, чуть наклонился вперед, уперся руками в стены, а опорной ногой на ступеньку и, вложив все свои страхи, ударил. Попал удачно – в сантиметре от ручки. Дверь с грохотом распахнулась. Есть! Чуть припадая на ушибленную ногу, я ввалился в темноту подвала.

В нос ударил резкий запах.

Однажды, когда мы с Никиткой были маленькими, отец взял нас на рыбалку к самому куполу. По пути нам встретилась заболоченная поляна. От стоячей воды пахло примерно так же.

Я нащупал выключатель – загорелся свет. Дела! Меня здесь не было всего месяц, а подвал изменился до неузнавае-

мости: какая-то коричневая субстанция обволакивала практически все поверхности, на потолке вспучивались десятки полусфер размером от теннисного до волейбольного мяча. На стенах тоже были наросты, только продолговатой формы и покрупнее.

Что-то эта обстановка мне здорово напоминала, и я совсем не чувствовал себя на безопасном уровне. Сердце все сильнее билось о ребра, а во рту пересохло. В мастерской то же самое: повсюду слизь. Стараясь не наступать в натекшие с потолочных наростов лужицы, я направился в сторону самой большой комнаты подвала, используемой как погреб.

Зашел. Лампочка светила тускло, периодически мигая. К запаху болота примешался запах гниения: что-то протухло. Я огляделся: вроде все убрано, но полумрак не позволял разглядеть детали; прошел в середину комнаты – вонь усилилась.

Мне показалось, что дверца стоящего в дальнем углу большого – в человеческий рост – холодильника закрыта неплотно, и из него что-то торчит. Подошел, так и есть – кусок мяса продолговатой формы не влез и свисал наружу, распространяя отвратительный запах. Он почти полностью разложился, и казалось, в нем что-то шевелится. Подавив рвотный рефлекс, я потянул за ручку, и уже через мгновение мой завтрак оказался на полу. Меня рвало не меньше минуты. Только когда желудок полностью опустел, я собрал силы и поднял глаза.

В холодильнике лежала изувеченная, но все же легко узнаваемая моя жена Ирина. Низкая температура сохранила ее от разложения, не повезло только руке, застрявшей снаружи.

Скрипнула дверь, и я испуганно обернулся. В проеме стояла моя живая жена Ирина и, улыбаясь, смотрела на меня.

– Любопытство сгубило кошку! Знаешь такую поговорку, милый? – она негромко засмеялась. Я инстинктивно сделал шаг назад и уперся спиной в стену. Пот стекал со лба и заливал глаза. Игры закончились.

Тяни время. Она недооценивает тебя.

Ага. Может, я себя переоцениваю?

– Ты кто? – спросил я, чувствуя, как дрожит голос.

– Кто на самом деле? Или кто сейчас для этого мира? – ухмыльнулась или, скорее, оскалилась Ира и совсем перестала походить на мою жену. Она повернулась к камере, висящей рядом с лампой. – Код Альфа 966. Стереть последнюю фразу.

– И ты забудь, муженек, хотя об этом я скоро позабочусь.

Стационарная камера № 67440 продолжает запись.

Место действия: подвал дома семьи Фроловых.

Режим: запись для кабельного канала.

Мужчина стоит, прижимаясь спиной к стене.

– Ты кто?

– И ты забудь, муженек, хотя об этом я скоро позабочусь, – женщина смотрит в объектив. – Я выбрана Высшими суще-

ствами стать Проводником, их Путеводной Звездой в этом новом для них мире, я помогу им освоиться здесь и возродить некогда великую цивилизацию.

Женщина смеется.

– Код Альфа 961, пауза, – Ирина смеялась долго и искренне. – Блин, сколько работаю, не могу такую чушь без смеха говорить.

Она сделала вдох, лицо снова стало серьезным:

– Код Альфа 960. Запись. Присоединяйся к нам, Сергей!

Я смотрел на нее и понимал только то, что она ведет даже не двойную, а как минимум тройную игру и что мне вряд ли есть место в ней, живому уж точно.

Тяни время, – повторил голос, – и, по возможности, передвигайся, в этом углу полезного нет.

Отличная ситуация для прогресса шизофрении. Но терять нечего. Я отлепился от стены и, задумчиво глядя на «Проводника высших существ», начал медленно продвигаться к противоположной стене.

– Стало быть, ты инопланетянка и вселилась в тело моей жены? – я непроизвольно посмотрел на открытый холодильник и вздрогнул: мертвые глаза Иры смотрели прямо на меня.

– Я человек, да и как ты видишь, тело твоей жены, ха-ха, на месте, просто я лучшая из людей и помогаю равным себе, Высшим существам.

Она правду говорит? Если выберемся отсюда, это может быть важно.

Понемногу я двигался вперед.

– И давно ты... заменила мою жену?

– Ха, хороший вопрос! А попробуй угадать?

Самозванка выгнула спину и подняла край платья, так что показались белые трусики. Очевидно, она получала удовольствие, играя со мной.

– Наверняка же были отличия! Ну хотя бы в сексе!

А, действительно, когда? После анонса я уже присматривался, а до того? Однозначно секс стал чаще. В последние две-три недели. И да, пожалуй, разнообразнее. Чем больше я вспоминал, тем больше всплывало мелких отличий. Слишком много. На секунду я замер, так меня поразило открытие! Это каким слепцом надо было быть! Около трех недель в постели с другой, абсолютно другой женщиной, и не заметить!

– Три недели! – прошептал я.

– О, почти в точку! Порадуй меня, скажи, кто лучше?

– Ты, – я не видел пользы от иного ответа, а вред очень даже.

Нож на столе у той стены.

Я незаметно скользнул взглядом по столу. Нож лежал в луже коричневой слизи. А вот с незаметностью вышла промашка.

– Что-то задумал, милый? – голос Ирины изменился, и улыбка сошла с губ. – Нормально же разговаривали!

Я замер, но, похоже, Проводник решила сворачивать нашу беседу.

– К сожалению, с самими Высшими я тебя не смогу познакомить, зато с их домашними питомцами легко.

Она достала из-за пояса прибор, похожий на пульт от телевизора и по очереди направила на пару самых больших наростов на потолке. Они тут же зашевелились и стали медленно раскрываться.

Зрелище сильно напоминало лопающиеся прыщи.

Первым раскрылся дальний от меня нарост, и его содержимое с чавкающим звуком плюхнулось на пол, но тут же вскочило на ноги и стало оглядываться. Хотя те восемь штук, на которых оно стояло, могли быть и не ногами, а то, чем оно вращало – не головой. Но вот зубы и когти точно были тем, чем казались, и их было удивительно много для такой, в общем, небольшой твари. Омерзительнее гада я в жизни не видел, но порог отвращения и удивления был давно пройден. К тому же времени оставалось в обрез: в полуметре от меня вскрылся второй нарост, и его жилец выпал наружу.

Бей! – яркая вспышка резанула сознание и я, словно наблюдая за собой со стороны, увидел, как медленно отвожу ногу – замах! – и резко выкидываю вперед – удар! Подобно футбольному мячу, падающее существо попало точно на сгиб голеностопного сустава. Раздался жуткий визг, а затем другой. Второй издала Ирина – так как маленькое чудище, описав дугу, попало ей точно на грудь и с перепугу приня-

лось рвать и драть все подряд.

Я бросился к ножу. Вовремя. Второй монстр оттолкнулся многочисленными ногами и одним прыжком преодолел комнату, лишь на пару сантиметров его когти разминулись с моим горлом. Считанные мгновения потребовались гаду, чтобы сориентироваться и прыгнуть снова, но я уже схватил нож и выставил перед собой. Чудовище налетело точно на лезвие и пронзительно заверещало, размахивая во все стороны когтями. Получив несколько незначительных порезов, я бросил нож и обернулся к дверному проему. Там схватка также подходила к концу. Ирина стояла ко мне спиной, она откинула противника и навела на него дуло пистолета. Я рванул вперед одновременно с выстрелом, заглушившим звук моих шагов, и, всей массой налетев на самозваную жену, отбросил ее на стену. Она вскрикнула и рухнула на пол, я тоже не устоял и упал на колени. Глаза Иры были закрыты, а из рассеченного лба лилась кровь.

Я схватил выпавший пистолет и бросился к выходу из подвала.

Уличная мобильная камера № 15512 продолжает запись.

Режим: запись для кабельного канала.

Звук выстрела. Из электромобиля Мерседес выходит мужчина, быстрым шагом направляется в сторону подвала дома семьи Фроловых.

– Ирина! Все в порядке?

Мужчина подходит к лестнице и заглядывает вниз. Раздаются три выстрела. Тело, отброшенное пулями, падает на газон. Глаза открыты, на груди расплывается красное пятно. Датчики показывают: он мертв. Из подвала выбегает мужчина, в руке у него пистолет, озирается и бежит к воротам. Со стороны соседнего участка звучит автоматная очередь.

Пули прошили стену дома над головой.

Мэйсон, падла! Надо увести его от дома, здесь может в любой момент появиться Софья!

Я перепрыгнул тело полицейского Полозьева и рванул к Форду. Выстрелы прекратились. Похоже, удалось немного оторваться. Открыл дверь и нырнул в салон. Снова очередь – разлетелись все боковые окна, и меня засыпало осколками.

Жми на пятый уровень! Тут не скряться!

Совет был здравый, но последовать ему я не мог.

Софья. Примерно в это время у нее кончаются уроки. Игра явно шла крупная, и я не тешил себя иллюзиями о судьбе дочери, стань она вдруг свидетелем происходящего. Ее нужно перехватить. Но сначала необходимо избавиться от Мэйсона. Все это пронеслось в голове, когда я включал зажигание и практически вслепую, едва высовываясь из-под руля, выезжал на дорогу.

Стрельба вновь стихла, и я рискнул обернуться. Мерседес преследователя быстро набирал скорость.

Шустрый, гад!

Огни фар становились все ярче. Мимо проносились двухэтажные дома частного сектора. Встречные машины отчаянно сигналили.

Что ж, была не была! Я рывком сел, лихорадочно пытаюсь застегнуть ремень безопасности. Получилось не сразу. Между Фордом и Мерседесом оставалось меньше трех метров. Я вцепился в руль и изо всех сил нажал на тормоз.

Удар. Искры и скрежет. Мой сильно замедлившийся Форд бросило вперед и вправо на обочину. Меня то кидало на ремни, то вжимало в кресло. Ствол толстеного дерева снес правое зеркало, процарапал дверь и остался позади. Я больше рефлексивно, чем сознательно снова нажал на тормоз. Машину занесло, раздался треск: это заднее крыло ломало чей-то забор и протащило еще метров десять.

Приехали.

В голове гудело, на лбу вздулась шишка, надо полагать, приложился о руль, все тело ныло. Хотелось закрыть глаза, вырубиться и чтобы все стало, как раньше.

Как раньше не будет!

Мало что сознавая, я открыл дверь и выпал из машины.

Перед глазами все кружилось. Если бы меня не вырвало раньше, вырвало бы сейчас. Я стоял на четвереньках и быстро дышал через рот. Слюна, перемешиваясь с кровью из прикушенной щеки, капала на землю.

Вставай, пора валить.

Пошатываясь, я встал и огляделся. Пятнадцать метров белого забора и ворота на участке превратились в обломки. Черные следы от колес Форда на пожухлой траве вырисовывали четыре замысловатые параллельные линии. Мерседесу повезло меньше. Скорее всего, Мэйсон успел затормозить, и его машина клюнула носом, поднырнув под багажник Форда. А потом взлетела, как прыгун с шестом. Упала, перевернулась и врезалась в дерево. Сейчас на противоположной стороне дороги валялась лишь искореженная груда металла.

Мэйсон не пристегнулся, он лежал ровно посередине проезжей части.

С окрестных участков выглядывали люди, привлеченные звуками аварии. А с крыльца дома, забор вокруг которого я только что превратил в обломки, спускался очень плотный, явно недовольный мужик. Задерживаться и встречаться с полицией не входила в мои планы, стоило играть на опережение.

– Квест, посвященный Концу Цикла! – крикнул я, делая шаг навстречу толстяку. – Скоро придут полицейские и страховщики – компенсация в тройном размере. Простите за неудобства.

Мужик притормозил, и я, воспользовавшись моментом, сел в свой помятый Форд, надеясь, что он еще на ходу.

– Кратчайший маршрут, школа 810!

Глава 6

Стационарная камера № 31270 продолжает запись.

Место действия: жилая комната на втором этаже в доме семьи Фроловых.

Дверь открывается, заходит девушка, она снимает рюкзак и бросает на кровать, быстрым шагом идет к шкафу и достает дневник. Пишет.

«Сегодня прогуляла два урока. Все из-за этой рыжей овцы! Второй уровень, рядом со школой, тройные баллы, надо идти... Ой-ой-ой. Выпендрежница хренова. И, главное, смотрит на меня, мол, что? Родители не разрешают? Коза!

Пришлось идти.

Не, ну повеселились-то нормально, конечно. Денис и Васька ребята опытные, сказали: всем взять с собой школьный инвентарь. В итоге кто граблями, кто вилами, кто лопатами ловили тех мелких белых тварей. Ну и мерзота, конечно, на сороконожек похоже, только ног чуть поменьше. За час справились. Ржач был, когда Васька подцепил одну издохлых тварей на лопату, бегал за этой рыжей сукой и тыкал ей в лицо. Она даже разрыдалась. Так ей и...»

Девушка прекращает писать и прислушивается. Встает, подходит к двери. Слушает. Сенсоры улавливают шум на первом этаже. Проходит две минуты. Девушка на цыпочках отходит от двери и выглядывает в окно. За окном: женщина

выходит из дома. Девушка возвращается к столу. Продолжает писать:

«...надо, меньше будет выпендриваться!

Потом считали баллы. У меня вышло двадцать пять; немного, конечно (Денис почти двести набрал!), но и не меньше всех. Я хотела предложить Денису прогуляться, но они с Васькой побежали в соседний квартал выполнять бонусное задание. Меня, как и ту рыжую тварь, не позвали – мы не прошли по баллам. Ну и ладно, отыграюсь в субботу!

Насчет субботы: я решила играть в недотрогу. Пусть помучается, девчонки говорят: если дать сразу чего хочет парень, он быстро охладает. Так что буду ломаться: ой я не такая, и т. д. И только в самом конце...»

Сенсоры улавливают разговор в подвале дома. Девушка не слышит и продолжает писать:

«...уступлю. Понемногу. Сопротивляясь. Главное – не показать, что сама хочу. Возможно даже больше, чем он. Он такой классный, как...»

Сенсоры улавливают звук выстрела из подвала. Девушка вскакивает, в ее руке дрожит ручка. Прислушивается. Медленно опускается на колени, ползет к шкафу. Засовывает руку. Достает расширенную аптечку M2, пристегивает к поясу. Снова засовывает руку. Достает пневматический пистолет крес-п12. Сенсоры улавливают еще три звука выстрелов. Девушка сжимается. Сидит. Мимика и данные датчиков указывают на ее страх. Проходит минута. Она на четвереньках

ползет к окну и выглядывает.

За окном резко срывается с места и уезжает синий Форд. За ним следует черный Мерседес.

Форд въехал в Нижний город. Я, изредка поглядывая на дорогу, переодевался. Окровавленная рубашка и изрезанная когтями существа куртка валялись под пассажирским сиденьем. Аптечка сделала свое дело – порезы обработаны, два из них зашиты. Стимулятор медленно, но верно очищает мозги.

Послушай, друг, – интонация голоса изменилась, таким серьезным и сосредоточенным он еще не звучал, – не делай ошибки. Дочь – это святое, конечно, но поверь, без тебя ей безопаснее, она им не нужна.

Кому им?

Не знаю... Да и неважно сейчас... Ты убил полицейского. Я понимаю – ты надеешься, что камеры не передадут видео. Но по запросу Управляющих они сделают это. И поверь, Я ЗНАЮ: в твоём случае это вопрос минут, максимум пары часов...

Подъезд к школе перекрыли. Пять полицейских стояли за длинным, во всю ширину дороги, черно-желтым ограждением, похожим на шлагбаум. Я припарковался, не подъезжая слишком близко.

...Остановись! Смени тачку, спрячься где-нибудь на четвертом-пятом уровне.

Солнце клонилось к горизонту, и заметно похолодало. Я вылез из машины, застегнул куртку и нацепил темные очки. Дверь Форда осталась открытой.

Одно дело воевать пусть и с крутой, но шайкой, совсем другое – со всем городом.

Да уж, и очень интересно, какую роль в происходящем играют Управляющие.

– Школа закрыта, – сообщил худощавый полицейский лет тридцати, когда я подошел к ограждению.

– Что случилось? Где дети?

– Ваши родственники учатся в этой школе?

– Да, дочь.

Рядом с нами с визгом остановилась фиолетовая, говорящая о биологической угрозе машина. Ее борт украшала эмблема перечеркнутого маленького круглого существа с непропорционально большим количеством зубов. Все ясно: опять кто-то ошибся в лаборатории и вывел какую-то мелкую, но агрессивную хрень.

Из кузова выбежали четыре человека в белых спецхалатах и противогазах, очевидно ученые. Следом, не спеша, вышел крупногабаритный тип в камуфляжном костюме, высоких черных ботинках и с автоматом. Ему предстояло поставить точку во всей этой канители.

– Второй уровень биологической угрозы, – сказал полицейский, следя за тем, как люди в белом вытаскивают из машины оборудование. – Все учащиеся эвакуированы, кро-

ме...

Он сделал паузу, подбирая слова, а у меня похолодело внутри.

– В общем... двоих учеников десятого класса не могут найти с утра, и еще почти целый класс сбежал с уроков. Мы думаем, это связано с текущей проблемой, не со всеми из них удалось связаться.

– Какой класс сбежал? – спросил я и тут же зажмурился, так как голову буквально разорвало от крика:

Ты дурак, что ли? К твоей Софушке, это точно не имеет отношения. Не погибают дети в школах – это закон! Пропавшие дети – подставные.

– 9 «Б», – ответил полицейский. Класс Софы.

– Твою мать, – прошептал я.

Твою мать, – повторил голос.

В этот момент раздался выстрел, и пуля, царапнув мне плечо, пробила грудь стоящего передо мной полицейского.

За машину, пригнись! – такие команды надо исполнять быстро. – *Пятеро, сзади! Наемники! Полный обвес!*

В ста метрах ниже по улице стоял мой помятый Форд. Надежды добраться до него не было.

Людей становилось все меньше, я жал на полную и просто надеялся на чудо. Тем временем количество преследовавших меня машин возросло до пяти.

События у школы запомнились урывками.

Критическое положение спас боец, приехавший со службой биологической безопасности. Пока пребывающие в шоке от внезапного нападения и смерти товарища полицейские прятались за машины и вызывали подкрепление, он обошел противников сбоку и двумя короткими очередями снял двоих наемников. Остальные переключились на новую угрозу. Тут и полицейские вспомнили, что их работа подразумевает опасность третьего уровня и выше, равно как и соответствующую зарплату, и тоже открыли огонь.

Начался ад. Грохот выстрелов рвал перепонки, слышались крики раненых прохожих, нападавшие кинули световую гранату, которая, несмотря на то, что я стоял спиной, через отражения в кузовах машин ослепила меня на несколько минут. Полицейские в ответ кинули гранату со слезоточивым газом, а осенний ветер услужливо разнес ее содержимое по всей округе.

В общем, заползая на сиденье Форда, я практически ничего не видел, не слышал, и меня уже который раз за сегодня сильно мутило. Немного помогла запасная аптечка, но все равно потребовалось время, чтобы прийти в себя, благо на площади, где шел бой, никому до меня не было дела.

И вот я вновь на дороге, и за мной погоня. Первый из преследователей появился, не успел я отъехать от школы и двух километров. Еще через два километра их было три. Сейчас пять.

Нам хана.

Да, похоже на то. Но после всего, что произошло сегодня, это меня уже мало беспокоило. Более того, на фоне этих событий я почти физически ощущал вкус своей прошлой пресной и серой жизни. Конечно, мне и раньше случалось задумываться о безнадежной никчемности одинаковых дней, но сейчас я ощущал разницу особенно ярко.

Лишь маленький кусочек солнца висел над горизонтом то появляясь, то исчезая за мелькающими домами и деревьями. Ветер завывал в изувеченном салоне Форда, из стекол уцелела только моя половина лобового, почти все остальные выбило или разбило пулями. К удивлению, я не замерз, более того, расстегнул молнию куртки до груди.

Софья! Только о ней я думал, глядя в единственно уцелевшее зеркало. Только эти мысли не давали развернуть машину и встретить судьбу лицом к лицу.

Нет! Играем до конца.

Форд, казалось, ехал на пределе своих возможностей, из-под мятого капота не переставая раздавался стук и скрежет. До крупной пятой зоны, которую я выбрал целью, оставалось три километра. Пистолет лежал на пассажирском кресле.

С последним лучом заходящего солнца шесть оранжевых машин, ревя моторами, вылетели из оранжевого полуразрушенного квартала на фоне оранжевого неба.

Мгновение. Солнце скрылось.

Шесть серых теней разного оттенка несутся по темно-се-

рому полю, над ними темнеет небосвод, и на севере горит одна-единственная звезда.

Выбравшись на простор, преследователи смогли выжать из своих машин максимум и стали стремительно приближаться. В зеркало я увидел, как, оставляя за собой облако пыли и ослепляя меня фарами, вперед вырывается черный Лэнд Крузер, и из пассажирского окна высовывается человек с автоматом.

Между нами пятьдесят метров.

– Хрен попадешь, – прошептал я, но тут по салону запрыгала красная метка лазерного прицела.

– Твою мать! – я выкрутил руль влево одновременно с первым выстрелом. Форд занесло, клубы пыли взлетели из-под колес. Теперь резко вправо, еще порция пыли и автопилот прямо.

Маневр позволил устроить небольшую завесу чуть отставшим четверем машинам, но Тойота уже вылетела из облака, и стрелок снова появился в окне. Я, не отстегивая ремень, обернулся всем корпусом. Правая ладонь держит рукоятку пистолета, левая держит правую, а тыльной стороной прижимается к мягкой коже водительского сидения. Спокойнее... Как там в боевиках? Закрывать левый глаз, совместить мушку с прицелом.

Возьми немного ниже.

Ниже так ниже, еще чуть-чуть. Чёрт! Красный огонек лазерного прицела попал точно в открытый глаз, я зажмурился

и пригнул голову, ожидая автоматной очереди. Ее не последовало. Несколько раз я сжал и разжал веки, восстанавливая зрение, затем осторожно выглянул из-за спинки кресла.

Тойота как раз падала на землю, судя по всему, после затяжного полета. Падала на крышу. От удара она сложилась и вмялась в пол салона. Все еще торчащего из окна автоматчика разорвало пополам, а для водителя остатки автомобиля стали закрытым гробом. Толстый столб воды и пара вырвался из-под земли на добрых пять метров, именно он швырнул тяжелый внедорожник в небо.

– Минус один, – пробормотал я, и в ту же секунду точно такой же столб вырос около моего правого переднего колеса. Что б тебя! С перепугу крутанул руль, чудом не опрокинув машину. Щеку и правую руку обожгло: вода была очень горячей. С трудом выровняв электромобиль, я прибавил газу. Теперь гейзеры вырывались со всех сторон, толщина каждого не меньше метра. Стараясь не реагировать на шипение, обжигающие капли и пар, я перестал оглядываться и гнал машину вперед.

Через несколько минут интенсивность извержений спала, и я уже думал, что пронесло, когда метрах в десяти точно по курсу земля разверзлась и выбросила струю, раза в три толще и мощнее предыдущих. На торможение времени не оставалось, и я, вывернув руль, нажал на газ. Шины завизжали, машина накренилась и несколько секунд ехала на двух колесах. Затем, как бы нехотя, завалилась назад, проехав в

метре от бьющего потока. Меня обдало жаром, а по крыше забарабанили капли.

Повезло. Проскочил. Живой и относительно здоровый. Щеку и руки жгло в местах, куда угодил кипяток. Этот гейзер-мутант был последним. Три машины продолжали погоню. Жаль. Оборачиваясь, я надеялся не увидеть ни одной. Радовало только, что просвет между нами немного увеличился, но вряд ли надолго.

Преследователи настигали. В сгущающейся темноте дальний свет слепил, но высывающегося из окна ближайшего электромобиля автоматчика я все же разглядел. Дежавю. Снова выстрелы. Прижался к рулю и зажмурился. Жив. Открыл глаза. Да, я жив, стрелок же торчал из окна, свесив руки вниз. Его автомат волочился по земле. Что такое? Я завертел головой и увидел: справа к нам приближалась большая группа мотоциклистов, и теперь, заметив их, я различил рев моторов. На шлемах у всех торчали ветвистые рога, а лица закрывали маски.

Чёрные Олени! Больше легенд, чем о них, не ходило ни о ком. Общим было только одно: лучше умереть, чем попасть к ним в руки живьем.

Об этом знали все – одна из висевших у меня на хвосте машин резко сменила направление. Джип и Форд (к сожалению, значительно новее и мощнее моего) продолжили погоню. Олени тем временем приближались и становились проблемой номер один. Я кинул взгляд на карту и тоже под-

корректировал курс. Электромобиль рванул к границе зоны. Грянули выстрелы – байкеры развлекались и палили сразу по всем трем машинам. Я оценил обстановку: приемлемо – мой Форд дальше от них, и стреляют по мне меньше; правда, в отличие от моего, электромобили преследователей, скорее всего, бронированные.

Отключив автопилот и вдавливая газ в пол, я ругал «Олень» последними словами. Тоже мне легенды, даже по колесам не стреляют. Но наговоры не помогли, а еще через минуту мотоциклисты и вовсе развернулись. Чёрт!

Пропищал сигнал. Я покинул пятый уровень и стремительно приближался к третьему. Раздался выстрел, и Форд повело в сторону. Ну, конечно, вот в мое колесо попали! Я активно вращал руль, пытаюсь выровнять машину.

Предположение, что опасная зона поможет, отчасти подтвердилось: из пяти машин остались две. Причем, похоже, только по одному человеку в каждой. Но что делать дальше?

Ясно одно: на открытой местности ловить больше нечего. Поэтому, когда фары выхватили из темноты большое приземистое строение, я, не задумываясь, направил Форд к нему. Тем временем преследователи выстрелили еще несколько раз. Мимо.

Здание стремительно приближалось. Это был какой-то заброшенный склад. Пустые глазницы выбитых окон безучастно смотрели на разворачивающуюся драму, а темный проем ворот, будто открытый рот великана, ждал, пока жертвы са-

ми заедут в него.

Эндшпиль.

Когда свет фар разорвал внутреннее пространство склада, я нажал на тормоз и, не дожидаясь остановки, выпрыгнул из машины. Едва успел сгруппироваться и коснуться земли, как услышал сзади грохот: джип, наконец, догнал и протаранил Форд.

Когда я попытался встать, понял, что прыгун из меня хреновый, кровь широкой струей текла из рассеченного лба, заливая глаза и капая с подбородка. Левая рука висела плетью, а правую ногу в колене словно проткнули раскаленным штырем, я практически волок ее, пытаюсь скрыться в глубине помещения. Пистолет улетел куда-то во тьму.

Шаг, подтянуть ногу... Сзади хлопает дверь... Быстрее! Еще шаг, подтянуть ногу... На землю ложатся длинные тени преследователей... **БЫСТРЕЕ!** Еще! Не забываем подтянуть ногу... Они все ближе... Еще. Чёрт!.. Я падаю и перекатываюсь на спину. Странно. А умирать почти не страшно. Я очень устал и просто хочу избавиться от боли, которая, пульсируя, разрастается ото лба к затылку. Рядом брошенный и давно забытый мешок с цементом. Подползаю, кладу на него голову – удобно.

В свете фар в клубах оседающей пыли приближаются два силуэта.

Первый – лысый мужчина. Отсюда, снизу, он выглядит гигантом. В его руках автомат. В двух метрах за ним – женщи-

на. Не могу рассмотреть ничего, кроме спадающих на плечи рыжих волос, стройной фигуры и пистолета. Время тянется медленно. Но вот мужчина уже так близко, что почти полностью заслоняет свет. Слегка покачивая бедрами в такт шагам, подходит женщина. Оружие поднимают одновременно. Спасибо хоть без пафосных речей.

Выстрел.

Меня обдало кровью и мозгами – пуля попала в затылок мужчине и, вылетая, разворотила ему лицо. Тяжелое тело рухнуло на бетонный пол, подняв облако пыли. Девушка перешагнула его и села рядом со мной так, что я мог разглядеть ее милое, курносое, еще совсем юное личико.

– Здравствуйтесь, Сергей! – она улыбнулась. Какие красивые зеленые глаза!

– Привет! – я тоже улыбнулся и потерял сознание.

Часть 2

На небе ни облачка, майское послеобеденное солнце уже не так рьяно исполняет свои обязанности. Легкий ветерок, вдоволь нарезвившись сначала над речной гладью, потом в кронах деревьев, теперь треплет черные кудри Ирины.

– Я превратилась в корову!

Мы идем по набережной. Ира на восьмом месяце и очень переживает из-за лишнего веса.

– Ты у меня самая красивая, – обнимаю ее и целую в от-

крытое плечо.

– А вдруг я не смогу сбросить после родов и навсегда останусь такой?

На самом деле она почти не поправилась, только живот шаром натягивает легкий белый сарафан.

Говорю ей. Она не верит.

Несколько чаек с криками проносятся над рекой.

– Вон Светка уже два года как родила, а до сих пор толстая.

– Твоя Светка и до родов толстухой была.

Не аргумент. Гормоны. Вижу, вот-вот заплачет.

– Ну что ты, – останавливаю ее и поворачиваю к себе. Любимые глаза широко распахнуты. – Тебе идет беременность, кроме живота только грудь выросла. После родов вернешь форму за две недели, вот увидишь.

Ира трогает свою грудь задумчиво, будто взвешивает в ладонях каждую.

– Ладно, сиськи пусть остаются, – она смеется, и мы идем дальше.

Запах цветущей черемухи кружит голову. Ира подходит к дереву и наклоняет ветку одной рукой. Не могу понять, что она держит во второй.

– Как вкусно пахнет.

Кисточка цветов у самого ее лица, белый прекрасен на фоне черных волос, но что же во второй руке? Большой живот мешает увидеть.

– Подойди, милый, понюхай.

Она смотрит на меня. Глаза. Из них веет холодом и смертью. Не хочу подходить. Делаю шаг, стараясь заглянуть за выпирающий живот. Что-то блестит.

– Ну же, – она нетерпеливо топает ногой и чуть-чуть поворачивается. В руке большой кухонный нож.

Сознание возвращается рывками.

Раз – и я открываю глаза. Два – вспоминаю события последних дней. Три – пробую снова отрубиться. Четыре – чувствую укол в плечо. Пять – я в сознании, лежу на кровати, под головой мягкая подушка. Все тело ломит, у меня нет сил даже поднять руку. Со стоном поворачиваю голову. Стены и потолок идеально белого цвета. Рядом сидит парень в зеленом халате, слишком молодой для врача. Над губой тонкие усики, борода только начинает пробиваться в нескольких местах. Лет восемнадцать, не больше.

– Где я? – едва ворочается язык, во рту сухо.

– Вы в штабе Нового Завета. Я Влад, это витамины, – подносит стакан с желтоватой жидкостью и, поддерживая мою голову, помогает пить.

– Спасибо, – я чувствую несколько капель, пролитых на подбородок. – Где моя дочь?

– Вам лучше спросить у Кирилла, я просто врач, – он смущается и уточняет: – Учусь на врача.

– Как я могу поговорить с Кириллом?

– Как только вам станет лучше, он встретится с вами.

– Мне лучше.

– Еще нет, сейчас вам надо поспать: идет восстановление руки и сращивание кости в бедре, процессы быстрее идут во сне.

Веки тяжелеют, видно, в стакане были не только витамины.

Уже проваливаясь в лечебный сон, я вижу лицо Софьи.

Глава 7

Главный зал штаба Нового Завета – комната метров восьмидесяти с очень высокими потолками. Повсюду мониторы: как обычные рабочие, стоящие по периметру на столах, так и просто огромные, метра три по диагонали, висящие на каждой из четырех стен. По углам здоровые шкафы, должно быть, сервера. В центре стол, над которым висит, слегка мерцающая, зеленоватая голограмма города.

Я сидел в коричневом кожаном кресле того же гарнитура, что и диваны. Влад, который сопровождал меня из медблока, поспешно удалился, и теперь в помещении нас осталось шестеро. Уже знакомая рыжая девушка расположилась на диване метрах в трех слева, на ней были свободные штаны цвета хаки, фисташковый, в обтяжку, топик и коричневые высокие ботинки, похожие на те, что носят полицейские. Она закинула ногу на ногу и смотрела на меня, чуть прищурясь.

Трое мужчин в одинаковых черно-серых костюмах практически не отрывались от компьютеров; двое следили за мониторами, а третий печатал. Ко мне интереса они не проявляли.

Но самый колоритный персонаж сидел в метре напротив меня в инвалидном кресле. Болезненно худой и бледный, одетый в свободную белую рубашку с коротким рукавом и синие джинсы. Жидкие светлые волосы топорщились на ма-

кушке и кое-где проглядывали на подбородке. Не старше двадцати лет. Но его взгляд возрасту не соответствовал. Серые глаза, казалось, прошивали насквозь.

Влад успел нас представить: это был Кирилл – глава Нового Завета.

– Как самочувствие? – спросил он, доставая из пачки Мальборо сигарету. Ничего себе! После того, как выращивание табака посчитали нерентабельным и десять лет назад запретили курение, цены на табак взлетели, и позволить себе пагубную привычку могли редкие богачи. Кирилл перехватил мой взгляд и протянул пачку: – Угощайтесь! Пепельница на стеклянном столике слева от вашего кресла.

До запрета табака он входил в обязательный рацион любого гражданина, предпочитающего безопасный уровень, каждый четвертый рекламный ролик представляла одна из никотиновых компаний. Я помнил дискомфорт, когда в одночасье пришлось бросить, и сейчас рука сама потянулась вперед, а пальцы приняли сигарету. Кирилл тронул маленький рычажок – кресло подъехало вплотную, чиркнул кремьень, и огонек вспыхнул недалеко от моего лица. Я наклонился и, прикурив, сделал первую затяжку. Закашлялся, голова закружилась. Ну и гадость!

У меня была куча вопросов, но по-настоящему важный только один.

– Вы знаете, что с моей дочерью?

Кирилл кивнул.

– В данный момент она в безопасности, укрылась у своего друга Дениса. Мы следим за ней. Позже я покажу видеозаписи. Она неглупая девчонка, догадалась свалить подальше от дома, когда там началась пальба.

– Она была в доме?! – у меня сжало живот. Как она проскочила мимо меня? Неужели через соседский двор? Я машинально затушил сигарету, не выкурив и половины.

– Да, но не волнуйся, Сергей. Как я уже сказал, она убежала оттуда очень быстро, – молодой собеседник задумчиво потер висок. – Если тебе интересно, в подвал она не заглядывала.

Вспышка. Холодильник, в нем лежат останки Иры. Я закрыл глаза.

– Хочешь выпить? – угадал мои мысли Кирилл. – Есть практически все, не только легальное.

– Джин с тоником, если можно.

Парень положил дымящийся окурок в стоящую на подлокотнике кресла пепельницу, похимичил со своим браслетом, и тут же из угла комнаты выехал невысокий робот, больше похожий на глобус на колесиках, судя по всему, робот-бар.

– Заказывай.

– Джин с тоником, пожалуйста.

На верху шара открылось небольшое отверстие, из него вылез невысокий граненый стакан, наполненный прозрачной жидкостью с плавающими в ней кубиками льда. Стекло приятно охладило руку, а напиток согрел желудок.

– Обещаю, мы еще вернемся к твоей дочери, – Кирилл улыбнулся, пытаясь меня подбодрить. – Но сейчас говорить мы будем не о ней.

Я откинулся в кресле и попытался освободить голову от эмоций. Очевидно, Новый Завет спасал меня не из пустого альтруизма. Их боец, а может и не один, рисковал жизнью, и наверняка были подключены иные ресурсы. Пришло время перестать плыть по течению событий и остановиться. Осмыслить их. А для этого надо сосредоточиться и внимательно слушать.

– Для начала представлю свою группу. Не переживай, времени у нас достаточно, все думают, что ты мертв.

– Все?! – от удивления я чуть не выронил стакан.

– Все-все, даже сценарные компьютеры тебя не учитывают в расчетах. Итак. Знакомься, это Катя, – он указал на рыжую девушку, она чуть заметно кивнула, – наша главная боевая единица. Как ты убедишься в будущем, сила Нового Завета в мозгах, а вот с физикой все не так гладко, и, если бы не Катя, было бы совсем тяжело.

– Отличный выстрел, спасибо, Екатерина, – снова легкое движение головой.

– Те, что за компами – наши программисты, – продолжил Кирилл, – по порядку: Василий, Матвей, Сергей.

Мужчины по очереди поворачивались и кивали. Все немного старше Кирилла.

– С остальными познакомишься чуть позже. Еще у Нового

Завета огромная сеть внешних агентов, многие из которых даже не знают, что работают на нас.

Он сделал паузу и по тому, что даже программисты замерли, я понял, что мы переходим к сути.

– Нам нужна твоя помощь.

Ожидается.

– Какая от меня польза Новому Завету?

– Скоро узнаешь. Если, конечно, готов сначала услышать удивительные вещи.

– Смотря насколько, – я хотел сделать еще глоток джин-тоника и с удивлением обнаружил, что стакан уже пуст, остался только едва уловимый аромат можжевельника.

– О! Настолько, что все произошедшее с тобой в последнее время ты посчитаешь нормальным! Правда, точнее, известная нам ее часть тебя поразит, уж поверь мне.

Я верил.

– Ты пей, не стесняйся, – он направил бар ко мне. – Есть мнение, что немного измененное сознание проще воспринимает... сложную для восприятия информацию.

Софья в безопасности – это главное, и, судя по тому, как эти ребята вытащили меня, они в состоянии помочь и ей. Им что-то нужно, и ради дочери я готов сделать все, о чем меня попросят. Возможно, они знают, что случилось с Ирой. Комок подошел к горлу. Моей любимой Ирой, чье изувеченное тело лежит в холодильнике в нашем подвале. Робот подал мне вторую порцию джина с тоником.

– Ну, поехали, Сергей?

Я кивнул.

– Как я уже сказал, – начал Кирилл и подъехал к большому столу, – вещи, которые мы сейчас будем обсуждать, сложны для восприятия, поэтому я предлагаю построить беседу как диалог, проще будет усвоить всю картину. От общего к частному. Идет?

Я снова кивнул. Екатерина повернулась ко мне. Ее интересовала моя реакция.

– Сергей, как устроен наш мир?

Вопрос был не очень понятен. Я сделал глоток, располагаясь удобнее в кресле.

– Ну же, Сергей, – подбодрил Кирилл и, стараясь помочь, протянул руки вперед и развел их, словно хотел обхватить что-то невидимое, – в двух словах, как ТЫ видишь мир, в котором живешь?

– Ну-у-у... Он состоит из трех взаимосвязанных городов. Их, как правило, различают по цветам, например, в архитектуре нашего доминирует зеленый, – я растерялся, не понимая, зачем рассказываю очевидное, но лица молодых людей были очень серьезны. – Каждый город является своеобразным ток-шоу для остальных двух. Продолжительность шоу – один цикл, равный тридцати годам, к исходу которых завершаются все основные программы и запускаются глобальные – красивые, интересные и смертельные. Так, мой родной Зо-

лотой мир переродился, когда мне было шесть лет. Восставший искусственный интеллект вывел на улицы толпы вооруженных роботов, и одновременно с этим случился метеоритный дождь.

Екатерина встала, подошла к одному из программистов, по-моему, Матвею, и что-то сказала шепотом, тот повернулся и так же шепотом ответил. При этом он попытался взять руку девушки в свою, но она вежливо отстранилась и вернулась на место.

– За три месяца до Конца Цикла любой желающий может подать заявление на перевод в один из двух других миров. Перевод осуществляется за два месяца до Конца Цикла, – при этих моих словах Кирилл построил очень странную мину, но перебивать не стал, – соответственно, желающие повеселиться и заработать из других миров могут перейти и поучаствовать в Армагеддоне. Кто выживет, получит кучу баллов.

Дальше на том же месте организовывается новый город, пользующийся той же сетью заводов и ферм, так как Конец Цикла не затрагивает инфраструктуру за пределами купола. Суммарное население, превышает пять миллионов, ходят слухи о введении четвертого города... Вроде все, если в двух словах...

– Все? – он ухмыльнулся и обернулся к Екатерине, которая уже вернулась на диван. – Маловато будет, а, Кать?

Девушка молча развела руками, мол, что ты от него хотел

(мне показалось, что на ее лице мелькнула неприязнь).

– А у тебя никогда не возникало чувство, что с миром что-то не так? – задал очередной странный вопрос Кирилл, – что как-то он неправильно устроен? Я имею в виду, еще до последних событий с тобой.

Я пытался понять, к чему он клонит, но не мог. Что с миром могло быть не так? Система ММУ работает больше ста пятидесяти лет, ее принципы понятны и разумны, человечество растет и развивается, катастрофы подобно той, что практически уничтожила всех людей на планете двести лет назад, исключены. Что касается моральных терзаний отдельных личностей типа меня... Ну что тут скажешь, не все встраиваются в схему легко.

– Нет.

– Я так и думал, – Кирилл вновь покосился на девушку, она закурила и теперь сквозь дым рассматривала меня. – Чтобы сэкономить время, позволь мне предположить кое-что за тебя, а ты меня поправь, если я ошибусь. Ок?

– Ок.

– Ты смотришь анонс, напрягаешься, начинаешь расследование, узнаешь кучу нового, несколько раз чудом не умираешь, находишь свою жену мертвой и живой одновременно – и все это на безопасном уровне. Пока все верно?

Все было верно.

– Из всего этого ты сначала делаешь вывод, что это розыгрыш или какое-то шоу, а потом, когда мимо начинают летать

пули, а из-под земли бить кипяток, ты все списываешь на ужасную ошибку сценарного компьютера. И даже надеешься, что Управляющие ее скоро исправят. Так?

Мне стало не по себе от того, насколько точно он угадал мои мысли.

– Кстати, ты, когда рассказывал про устройство миров, не упомянул Управляющих. Мне для полноты картины, чтобы правильно в дальнейшем построить свой рассказ, нужно знать твое мнение о них в контексте последних событий.

– Да какое у улыбальщика мнение, – презрительно сказала Катерина, должно быть, громче, чем хотела. На щеках выступил румянец, и она добавила: – Извините.

– Да, ты уж ее извини, – Кирилл неодобрительно кивнул на девушку. – Просто Катя у нас не любит ММУ, даже в том виде, в котором ты его знаешь. Как и людей, которых ММУ устраивает... Так что насчет Управляющих?

– К сожалению, в контексте последних событий я о них еще особо не думал, – начал я и тут же осекся, глядя на девушку, но она уже держала себя в руках и смотрела куда-то мимо меня. – Хотя, если проанализировать анонс и последние события, связь, безусловно, прослеживается. Одно непонятно: зачем я им (и зачем вам). А так, Управляющие – административная группа, состоящая из людей и нескольких, двух или трех на мир, сценарных компьютеров, которая следит за балансом ресурсов и исполнением проектов.

– Так просто?

Я пожал плечами. Мои знания в этом вопросе соответствовали школьной программе, и, даже учитывая то, что со мной случилось, я выносил Управляющих за скобки. Их мотивы были за гранью моего понимания.

Только вслух этого не говори, та красотка и так считает тебя скудоумным.

– Если есть что рассказать, я с удовольствием послушаю.

Кирилл ухмыльнулся, но в его стальных глазах веселья не было.

– Вряд ли ты получишь удовольствие.

Он, морща лоб, закурил еще одну сигарету и положил пачку с зажигалкой так, чтобы я мог дотянуться. Все присутствующие отвлеклись от своих дел и смотрели на нас.

– Начнем сначала, Сергей. Есть очень веские основания (какие, узнаешь чуть позже) полагать, что миров не три, а четыре. И этот четвертый, неизвестный тебе мир и является, так сказать, основным. Стартовым. Сначала был только он. И лишь позже порожденные его растущими потребностями по очереди появились наши три. Точных цифр нет, но я уверен, что его население превышает сто миллионов человек. И к великому сожалению, наши миры – лишь побочный продукт его жизнедеятельности, мы здесь живем и умираем на его потребу.

Я достал сигарету и принялся мять ее в пальцах. Шокирован я не был, так как поверить в такую ахинею не мог. Это продолжается розыгрыш, или меня угрозило попасть в ру-

ки к сумасшедшему? Точнее, группе сумасшедших. Кирилл тем временем пил через трубочку сок и исподлобья смотрел на меня.

– Но это еще ерунда. Я могу привести тебе десятки причин, почему сам по себе этот факт не так страшен, но для начала просто остановимся на четвертом мире. Что думаешь?

Сам факт, что наши три мира – побочный продукт четвертого, не страшен? Что же тогда страшно? Я перестал даже пытаться понять, о чем говорит Кирилл. Если ему нужна моя помощь, пусть разжевывает.

Парень поставил пустой стакан и неожиданно громким голосом продолжил:

– Сергей, не спи! Мы же договаривались о диалоге. Хочешь, чтобы я рассказывал, так и скажи, не веришь, так и скажи. Только, во-первых, не молчи, меня это нервирует, а во-вторых, имей в виду, у меня есть доказательства, и уж кого-кого, а тебя они точно убедят. И знаешь почему? – Он улыбнулся и победно посмотрел на меня.

Да что ж это за неуголимая тяга к пафосным бессмысленным вопросам. Давай уже!

И Кирилл дал:

– Потому что ты сам и есть главное доказательство!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.